

Мертвый остров

Автор:

Николай Свечин

Мертвый остров

Николай Свечин

Сыщик Его Величества #9

Весна 1889 года. После смерти своего учителя Павла Афанасьевича Благово Алексей Лыков отправляется в командировку. В Японии найдены трупы трех беглых русских каторжников, которые по документам по-прежнему числятся заключенными сахалинских тюрем. Есть подозрения, что их побег был организован японской мафией – якудза. Чтобы найти ответы на все вопросы, Лыков отправляется на Сахалин с секретным заданием...

Николай Свечин

Мертвый остров

Глава 1

Командировка к черту на кулички

Директор Департамента полиции тайный советник Дурново вызвал к себе коллежского асессора Лыкова. Тот вошел чернее тучи, в глазах – смертная тоска... Застыл посреди кабинета, уставился в пол.

– Садитесь, Алексей Николаевич, – мягко сказал Дурново.

Лыков сел, продолжая смотреть вниз.

– Может, возьмете отпуск? Съездите на месяц куда-нибудь или хоть дома с детьми посидите... Мне кажется, вы сейчас не можете служить.

Лыков настороженно поднял голову.

– Ну, я имел в виду полноценно служить, со всей отдачей... – смешался тайный советник. – Это потом пройдет! Все проходит... Одним словом, предлагаю вам отдохнуть.

Алексей четыре дня назад похоронил своего учителя, фактически второго отца. Павел Афанасьевич Благово так и не оправился от ранения, полученного два года назад на германских водах. Нескончаемые болезни истощили его организм. Вице-директор Департамента полиции был вынужден уйти со службы. Лишившись жалованья и казенной квартиры, он поселился на Мойке возле Почтамтского моста. У Благово оставались деньги после продажи родового имения, да и эмеритальные суммы[1 - Эмеритальные суммы – дополнительная пенсия, складывающаяся из шестипроцентных вычетов из жалованья чиновников и доходов по ним. Выплачивалась при выходе в отставку. (Здесь и далее примеч. автора.)] подкрепили его бюджет. Понимая, что долго не протянет, отставник не стал скопидомничать. Уютно меблировал свои комнаты, курил дорогой табак, пил старые мальвазии. Врачей слушался, но как-то механически. Употреблял лекарства, не манкировал режимом. Про себя он уже давно все решил... Павел Афанасьевич принимал ограниченный круг людей. Алексей с Варенькой опекали старого холостяка. Как могли они скрасили последние месяцы его жизни. И вот уставшая душа отмучилась... Лыков схоронил учителя на Лазаревском кладбище, рядом с могилой адмирала Мордвинова. Несчастье, хоть и давно ожидаемое, надломило коллежского асессора. Он сильно переживал. Внутри застряла и не хотела выходить ноющая боль. Но Алексей понимал, что долго жить горем нельзя, надо выбираться. Поэтому ответил начальству:

– Петр Николаевич, спасибо за предложение и заботу, но я хочу попросить об обратном. Клин клином вышибают. Нет ли у вас какой лихой командировки, лучше всего к черту на кулички? Чтобы некогда стало скорбью упиваться...

Дурново усмехнулся.

- Как раз такая и есть! Вот, взгляните на это.

И выложил перед собеседником три фотографические карточки.

Лыков взял первую и воскликнул удивленно:

- Это же Большой Сохатый! Кто его так?

На фото было искаженное гримасой лицо мертвого человека. Голова обрита наголо, однако правая сторона макушки загорелая, а левая нет. Так бывает, если подстричь каторжного... На горле покойника виднелся отчетливый разрез.

- А других не узнаете?

- Ну-ка... Это тоже мой знакомец, Иван Язев по кличке Ваня Прости Господи. Жуткий тип, патологический. Мы его укатали перед коронацией. На каторге должен сидеть, стервец. Горло так же перерезано, чем-то очень острым.

- А третий?

- Третьего не знаю. Ежели по приметам...

Лыков наморщил лоб, вспоминая.

- Левая бровь выше правой... Сильно выступающий козелок уха... Это не Щетинкин?

- Он, - довольно подтвердил директор.

Щетинкин был атаманом шайки налетчиков в Области Войска Донского.

- Вроде бы его в прошлом году тоже поймали?

– Да, все трое, по справке Главного тюремного управления, сидят на Сахалине. Живые и здоровые.

– Хм... А на карточках они не больно живые. Где их сняли?

– Это самое интересное, Алексей Николаевич. Карточки с мертвых сделал наш консул в Нагасаки.

– В Нагасаки? – опешил Лыков. – В Японии?

– Точно так.

– Вот это кульбит! А где? В морге? Не по улицам же валялись там наши головорезы?

– Вы почти в точку. Все три тела нашли на берегу моря. В деле много необычного и даже удивительного. Вот рапорт консула, коллежского советника Костылева, здесь все изложено. Трупы обнаружил его слуга, японец. Он ходил в свою деревню, относил жалованье. Деревня в десяти верстах от Нагасаки. По пути сел передохнуть. На перевернутую лодку... За каким-то чертом слуга заглянул под нее и обнаружил покойников, зашитых в мешковину. Опешил, а когда понял, что русские, побежал к хозяину.

– А как он догадался, что это наши, а не англичане, к примеру?

– По регалкам[2 - Регалки – наколки, татуировки.]. Слова были ему незнакомы, но буквы слуга узнал. Так вот. Костылев, светлая голова, захватил с собой переносную камеру и снял лица найденных покойников на карточку. После чего отправился со слугой в полицию. Когда они вместе с нарядом вернулись к лодке, жмуриков там уже не было.

– Всё интереснее и интереснее! А дальше? Что же предприняла полиция?

– Ничего. У консула возникло впечатление, что японские власти остались очень недовольны находкой. Глухая стенка – никто ничего не говорит. Вместо полагающегося расследования – волокита. Такая, японская, как только они умеют... Если бы не фотографии, косоглазые вообще отрицали бы весь случай.

Теперь отрицать нельзя, но можно закрыть дело. За отсутствием улик. Власти так и поступили. Более того, кто-то разбил негативы Костылева. Ночью прокрался в дом и разнес там все в пух и прах. Но остались вот эти отпечатки, по счастью. Власти ведут себя так, будто им наступили на мозоль. Наши дипломаты и без того живут в Японии в полной изоляции, под лупой у тайной полиции. А стало даже хуже. Министерством рекомендовано консулу все забыть, расспросами никого не донимать. Да, еще деталь: слуга, что нашел трупы, тут же уволился. А затем ни с того ни с сего помер.

Лыков нахмурился.

– Эх, меня бы туда!

– Бесплезно. Без содействия властей вы там ничего не сделаете. Языка не знаете, а общество очень закрытое. Искать надо с другого конца. Если вообще искать.

– Простите, ваше... Петр Николаевич?[З - Дурново любил, чтобы к нему обращались по имени и отчеству.]

– Ну, формально это дело до нас не относится. Три беглых каторжника обнаружены на Японских островах. Мертвые. Бежали с Сахалина, но в гостях не прижились. Кто-то чиркнул их ножом по горлу. Что с того? Преступление совершено за пределами империи. Убитые были порядочные негодяи. Да и черт бы с ними!

Дурново замолчал, перебирал бумаги на столе. Потом продолжил раздраженно:

– А с другой стороны? Мы тут ловим-ловим всякую нечисть! Вы и такие, как вы, часто рискуете при этом здоровьем и самой жизнью. Затем суд выносит приговор. Общество облегченно вздыхает. Убийцы и разбойники удалены из него навсегда! А потом вдруг те, кому полагается сидеть в вечной каторге, обнаруживаются в Нагасаки. Как так? Сколько это можно терпеть?

– Ладно бы только в Японии, – подхватил Лыков. – Мне пишет Гриневецкий из Варшавского сыскного. Там объявились братья Зембовичи, которых я арестовал девять лет назад. При этом они пустили мне заряд в ключицу и едва не разнесли голову. Получили двадцать лет каторги с навечным поселением в Сибири, но

вдруг обнаружили в Варшаве. Лощеные и при больших деньгах. Я за что кровь проливал?

Полицейские помолчали, затем Дурново продолжил:

- Да, вы правильно меня понимаете. Тем лучше. Я решил не оставлять японской находки без последствий. Очевидно, что существует целый промысел по переброске наших беглых на острова. Что там с ними происходит дальше - другой вопрос. Да и разбираться с этим тамошние власти нам не дадут. А вот сахалинский конец... Он-то у нас в руках!

- Обратите внимание, Петр Николаевич: все трое - «иваны». Двух из них я встречал - калиброванные ребята! Да и Щетинкин - зверь им под статью... Ясно, что бежит самый цвет. Мне еще в Нижнем Новгороде говорили об этом.

- О чем «об этом»? - насторожился Дурново.

- Один знающий человек по фамилии Ратманов однажды обмолвился. Сейчас его уже нет в живых... Тогда, десять лет назад, он сказал: на запад бежит всякая шушера. Умные люди, знатные уголовные, каким-то образом уходят на восток.

- Каким-то образом... - вздохнул тайный советник. - А у Галкина-Врасского[4 - М.Н. Галкин-Врасский - в то время начальник Главного тюремного управления.] все в порядке! Три покойника, найденные под лодкой в Нагасаки, числятся на Сахалине. Двое сидят в Воеводской тюрьме, один в Рыковской. Алексей Николаевич, объясните мне, как такое возможно? Вы же бывали там изнутри, по делам службы. Как крупные уголовные, известные в лицо и смотрителю, и всему караулу, могут сбежать? Так, чтобы вышестоящее начальство об этом не узнало! Как? Не понимаю!

- Эх... До Сахалина одиннадцать тысяч верст. Михаил Николаевич судит о том, что там творится, по отчетам. А их пишут малограмотные писари... Это же край света! Остров, изолированный от всего мира, и на нем шесть тысяч каторжных. Государство!

- Ну и что? Есть начальство. Есть обязанности службы, которые нельзя не выполнять!

– Караул и тюремная стража свое дело кое-как, но делают. Иначе разбежались бы все шесть тысяч. Но решительным людям всегда есть выход.

– Вы хотите сказать, что Большой Сохатый и его приятели... как это у них называется? переменили участь?

– Вряд ли, хотя и не исключено. Но участь проще менять на этапе, в кандалной тюрьме уже опасно.

– Значит, побег?

– Думаю, что побег.

– Но отчеты! Почему по отчетам все трое состоят под надзором? Как можно добраться до Нагасаки и при этом числиться в списках арестантов?

– Очень даже запросто, – усмехнулся Лыков. – В тюрьме решают «иваны». Как они скажут, так и будет.

– Но есть смотритель, есть утренние и вечерние поверки! Количество арестантов должно же совпадать с ведомостью!

– Смотрителя можно подкупить, или запугать, или иным способом приручить. Пойдут ни с того ни с сего бунт за бунтом. Начальство осерчает, начнет смотрителя со службы выкидывать по третьему пункту[5 - То есть без прошения, властью начальства.]. Тут явятся к бедолаге серьезные люди с наполовину обритыми головами. И пообещают сделать так, что все станет тихо и благостно. И действительно сделают! Как смотрителю после этого их не любить?

– А отчетность?

– В каторжной отчетности, Петр Николаевич, черт ногу сломит, а вторую вывихнет. Цифры все приблизительные. Смотрителю, кстати, это на руку: он получает лишнее довольствие.

– Но ведь это подсудное дело! Забыть обязанности, совесть позабыть... Что там за люди такие?

– Да такие же, как и везде, – огорчил начальство Лыков. – Служить в их ведомстве очень трудно. Год за годом среди швали... Не каждый и выдержит. На раскомандировку каторжных смотритель выходит в три часа утра. Шесть дней в неделю, год за годом. Видит вокруг только арестантские рожи. Поневоле начинает пить водку ведрами... Тюрьма живет очень закрытой жизнью, мелочной и одновременно кровавой. Могут зарезать любого ни за понюх табака. Большинство каторжных – шпанка, черная кость. Или случайно попавшие в беду люди. Эти бессловесны и беззащитны перед администрацией. Их гоняют в работы, порют, обворовывают, сажают в карцер... Но всегда находятся несколько человек, которых трогать нельзя. Головка каторги, аристократы темного мира. Наказывать их тюремщики не решаются – можно и жизни лишиться. Причем сам «иван» всегда останется в стороне, а с ножом бросится какой-нибудь босяк, от которого и ожидать нельзя. А его обыграли в карты и заставили пожертвовать собой! Смотрители и их помощники хорошо это понимают. И заключают с «иванами» договор. Для начальства главное – порядок и тишина, чтобы никто жалоб не подавал. Никто и не подает! Если же такой полезный человек надумает бежать, тюремщикам остается лишь закрыть глаза. Авось обойдется. В отчете всегда можно подправить. Галкин-Врасский далеко, и он никогда не узнает, что на самом деле творится в какой-нибудь Рыковской тюрьме.

– И как сломать эту гнилую систему?

– Никак. Порядочный человек на Сахалин не поедет, несмотря на всякие там льготы. Поэтому прибывают одни отбросы, которым самим место на наре. Если ты не годен ни на что, поступай в смотрители – возьмут не глядя!

Тайный советник вздохнул:

– Примерно так сказал мне вчера и Михаил Николаевич. Что знает порядки, но ничего поделаться не может. Мы говорили с ним о вас.

– Понимаю, – кивнул Алексей. – Вы задумали совместное расследование? Да, это и есть к черту на кулички... Я готов выехать хоть завтра.

– Пароход «Петербург» выходит из Одессы через неделю. Он везет на Сахалин четыреста пятьдесят арестантов. Другой okazji долго не будет.

– До Одессы ехать двое суток. Я вполне успею встретить Пасху! Как будет выглядеть моя ревизия? Как поиск беглецов и соучастников?

– Нет. Официальное расследование толку не даст. Вы проживете там год и ничего не выведаете. Надо по-другому.

Тут Лыков испугался:

– Неужели опять по этапу?

Дурново улыбнулся:

– Ну что вы! Время ваших «демонических» подвигов[б - Дурново имеет в виду предыдущие операции Лыкова, когда ему приходилось внедряться в арестантскую среду (становиться «демоном»)]. давно прошло.

– Уф... Так, Петр Николаевич, и кондратий хватит! Как представил себя в армяке с бубновым тузом на спине – сердце в пятки ушло...

Дурново отмахнулся:

– Вас ничем не напугаешь, это общеизвестно. А идея вот в чем. Вы отправитесь на Сахалин для временного замещения должности начальника Корсаковского округа. Таких округов на острове три. Корсаковский – самый южный, он ближе всех к Японии. Если тропа беглых туда и существует, то она обязательно проходит через него. Так вот. Заступив в должность, вы исполняете свои служебные обязанности, как полагается. И одно-временно ведете секретное расследование. С полномочиями, какие будут у вас, лучше и не придумать.

– Что такое на Сахалине начальник округа?

– Галкин-Врасский вчера объяснил мне это в подробностях. Сахалин имеет особый режим управления, какого нет больше нигде в империи. Во главе стоит начальник острова. Сейчас это генерал-майор Кононович. Он подчиняется амурскому генерал-губернатору, но у себя на острове царь и бог. Это не преувеличение: начальник острова может даже повесить своей властью. Правда, приговор утверждают на Амуре, но выносят на Сахалине.

– Серьезные полномочия.

– Иначе нельзя. Сами говорили: до Петербурга столько верст! Поэтому начальник острова обладает властью, какая и не снилась губернатору. Далее. Сахалин, как я упомянул, разделен на три округа. Округ соответствует уезду. Окружной начальник приравнен к исправнику. Тот же объем прав и обязанностей, что и у начальника уездной полиции. Плюс особые права, вызванные спецификой службы.

– Это какие?

– Вам будут подчиняться все тюрьмы, все чиновники плюс все воинские команды в округе.

– Чиновники независимо от ведомств?

– Да. От смотрителей тюрем до телеграфистов и таможенников.

– Это то, что нужно, – согласился Алексей. – Теперь я понял. То есть вести расследование я буду как высшее должностное лицо в этой местности? И никто не может мне ни в чем отказать?

– Именно так.

– Даже военные?

– И они тоже. На острове располагается 4-й Восточно-Сибирский линейный батальон. Чуть более полутора тысяч штыков. Его командир находится в столице острова, Александровском посту, и подчиняется Кононовичу. А командир вашей, корсаковской, роты подчиняется своему батальонеру и, по принадлежности, вам. В части несения караульных обязанностей, поимки беглых и прочего.

Поэтому вы, Алексей Николаевич, будете вести расследование, так сказать, сверху. Как главная инстанция. При этом до вас будет относиться вся текущая жизнь округа. Вплоть до телесных наказаний провинившихся! Галкин-Врасский сказывал мне вчера, сколько плетей и розог вы можете дать своей властью. Не помню цифр, но изрядно!

Лыков поморщился, но Дурново не обратил на это внимания и продолжал:

– Вникая, таким образом, в повседневную жизнь каторги, вы невольно станете входить в ее насущные нужды и потребности. Ни у кого не возникнет подозрений. Новый человек, пытается разобраться, во все сует свой нос... Одновременно вы приглядитесь к людям, чтобы отобрать себе помощников. Одному не справиться. Заведите также агентуру среди арестантов. Не мне вас учить... Помните: вы там сам себе командир и все решения принимаете самостоятельно. Об истинной цели вашего приезда будет знать только Кононович. Больше никто!

Лыков поднялся, сгреб со стола карточки убитых «иванов».

– Разрешите идти готовиться?

– Еще одно обстоятельство. Напомните мне, когда уж вы стали коллежским ассессором?

– В мае восемьдесят третьего, после коронации.

– Должность окружного начальника на Сахалине относится к седьмому классу. Неудобно посылать туда в восьмом...

Тут Алексей впервые увидел, как Дурново смеется. Так, наверное, скалятся волки... Но тайный советник быстро посерьезнел, тоже встал и вынул из папки лист бумаги.

– Это, Алексей Николаевич, как вы понимаете, шутка. А вот шесть лет вашей службы – это уже серьезно. И какой службы! Она и дала мне право ходатайствовать перед его сиятельством, а тому – перед государем о присвоении вам чина надворного советника. Сегодня его императорское величество утвердили производство. Поздравляю!

Лыков был тронут. Он знал, что министр внутренних дел граф Толстой тяжело болен, дни его сочтены. И скоро на его должность придет новый человек. Но старик нашел время отметить скромного своего подчиненного... Алексей встал во фронт и сказал по-солдатски:

- Рад стараться и охота есть служить!

Он пришел домой серьезный, с блестящими глазами. Варенька увидела это и сразу поняла.

- Когда и куда уезжаешь?

- Сразу после Пасхи. На Сахалин.

Жена так и села на пуфик, взмахнула руками, но тут же снова вскочила:

- А даже лучше! Сил уже нет смотреть, как ты себя изводишь...

Они поужинали всем семейством. Еще два дня говения – и Христос воскрес! Папаша повозился с детьми. Сначала они втроем тиранили кота. Могучий Василий Котофеевич Кусако-Царапкин переехал к Лыковым после смерти Благово. Он не подавал виду, что ему трудно на новом месте: урчал брюхом, задира малышню и жрал за троих... Но сам – Алексей верил в это – переживал... После кота два поколения Лыковых начали бороться. Сыщик показывал сыновьям кулачные приемы, затем подбрасывал к самому потолку. Те визжали и потом не хотели укладываться спать. Когда наконец нянька увела их, Алексей рассказал жене некоторые подробности. Он отправляется в секретную командировку. Поскольку просто так из столицы на Сахалин не посылают, это должно выглядеть как опала. Департаменту полиции надоело, что у Лыкова при задержании то и дело кого-то убивают. Вот и в феврале случилось. Бывший семинарист Лопушанский зарезал из ревности невесту. Доктор признал его невменяемым, и вместо каторги психованного заперли на Пряжке. Там он вскоре излечился, вышел на свободу и через месяц снова убил человека. Повздорил из-за пустяка в портерной, ему дали в морду... Лопушанский молча вышел на улицу, подобрал свинцовую трубу, вернулся и размозжил обидчику голову. Да так, что мозги несчастного соскабливали со стены.

Злодея искали и сыщики градоначальства, и Летучий отряд Департамента полиции. Первым нашел Лыков. Убийца стал развязно требовать через закрытую дверь доктора. Причем не любого, а именно того, кто в первый раз поставил ему спасительный диагноз. И заявил: я человек больной, мне все можно, а вы вот ответите... Услышав такое, Лыков выбил дверь, зашел в комнату и выкинул мерзавца из окна шестого этажа.

Тогда ему этого в упрек не поставили. Газетчикам сказали, что полоумный негодяй выбросился сам. Начальство молчаливо одобрило действия сыщика тем, что не назначило расследования. Никто не хотел, чтобы по улицам столицы ходил нелюдь со справкой и склонностью к убийству.

Теперь, объяснил Алексей жене, готовится приказ о переводе его из Департамента полиции в распоряжение министра. Дали следующий чин – и избавились от неудобного человека. Это настолько по-русски, что не вызовет подозрений. А министр теми же днями укатает новоиспеченного надворного советника к черту на кулички. На Сахалин, начальником округа. Секретная командировка продлится три месяца. Ровно на столько попросил себе отпуск по семейным обстоятельствам некто Белый, нынешний начальник Корсаковского округа.

– Потерпи, Варвара, – сказал Алексей, бодрясь. – Съезжу на край света и вернусь.

Жена промолчала. Как-то ее Лешенька скатался на три недели в Варшаву. А потом долго мучился ночными кошмарами: просыпался в холодном поту и пил воду кувшинами. Видать, круто ему там пришлось[7 - См. книгу «Варшавские тайны»]. А теперь вот Сахалин. Дальше уже некуда!

Через день у Дурново состоялось совещание. Кроме хозяина и Лыкова присутствовали еще Галкин-Врасский со своим помощником Коковцовым. Тюремщики хорошо знали Алексея по предыдущим делам. Когда он впервые готовился в «демоны», именно в управлении ему сочиняли легенду и фабриковали арестантские бумаги. В ходе этого Лыков влюбился в сестру Коковцова Машеньку и чуть не увел ее под венец. Брат с трудом расстроил роман. Когда же потом узнал, что Лыков женился на сказочно богатой сироте, то зауважал сыщика. И даже восстановил знакомство! Алексей не сразу понял, что Коковцов счел его ловким шельмой под стать себе и отдает должное...

Теперь надворный советник формально перешел на службу в Главное тюремное управление. Предстояло ввести нового сотрудника в круг его обязанностей и, кроме того, – и это было самое важное – согласовать план действий. Лыков ехал на край света устранять неполадки в механизме ведомства. Механик он был еще тот – башку оторвет и не поморщится! А гонца за инструкциями с Сахалина не пошлешь. Алексею требовались особые полномочия. Главным было право на

самостоятельные решения. Поэтому начальство хотело знать, как именно сыщик будет вести расследование. Лыков принес сочиненный им проект, разбор которого занял час. Галкин-Врасский удовлетворенно резюмировал:

– Я доволен тем, что услышал! Мои люди с этим бы не справились, но теперь на Сахалин отбывает орел.

«Орел» скривился.

– В одиночку там никто не справится, и я в том числе. Кто такой генерал Кононович? Могу я рассчитывать на его помощь?

– Он всего год как возглавил остров, и сам еще не до конца вошел в дела. Но администратор опытный! До того восемнадцать лет заведовал Нерчинской каторгой и навел там порядок. Владимир Осипович не педант, а живо реагирующий человек. Воспитанный и... хм... по-своему образованный. У него благородный характер. Не то что у его предшественника генерала Гинце. Возможно, даже чересчур благородный для начальника Мертвого острова.

– Мертвого острова? – удивился Дурново.

– Да. Так сами каторжные называют Сахалин. И не без оснований, увы. Я был там в восемьдесят втором году, видел своими глазами... Если одним словом, то – ужасно. Тысячи отверженных поселены на землях, где едва можно жить. Большая часть острова – топи, болота и непроходимая тайга. Люди пытаются пахать землю, но скорее для проформы. Главная беда, конечно, кадр. Специалистов тюремного дела у нас нигде не готовят. Вдали от надзора, от начальства смотрители быстро развращаются.

Коковцов дал высказаться начальнику, а потом спросил Алексея:

– Вы случайно не знакомы с флигель-адъютантом Таубе из Военного министерства?

– Знаком, и очень близко. А вы почему спрашиваете?

– Военные готовят какую-то операцию на Сахалине. Между прочим, родственную вашей. Только в обратном направлении.

– Не понял, Владимир Николаевич. Что значит в обратном направлении?

– Тут, вообще-то, большой секрет, но вам необходимо знать. Разведчики пересылают особо ценного агента. Сложным окольным путем. Он прибудет на остров под видом арестанта, в трюме корабля. Того самого, на котором поплывете и вы, кстати. А потом сбежит с Сахалина при содействии конвойной стражи. Для всей этой... махинации на остров направляется и упомянутый Таубе. Он временно вступает в командование расположенным там линейным батальоном, якобы для отбытия полковничьего ценза. А на самом деле будет вести своего агента.

– Очень хорошо! – Лыков от возбуждения так хлопнул ладонью по столешнице, что чуть не проломил ее. – Замечательно! Таубе тоже плывет на Сахалин, и тоже с секретным заданием! Он станет главным воинским начальником на острове. Я помогу ему, а он поможет мне! Вот это да... С бароном мы ваш островок на уши поставим! Господа, вот теперь я полностью уверен в успехе командировки! Помните, мне чего-то не доставало для такой уверенности? Оказывается, подполковника Таубе!

Собеседники посмеялись, и совещание на этом закончилось. Тюремщики удалились. Все еще возбужденный, Лыков телефонировал из приемной в Военно-ученый комитет. Трубку взял незнакомый офицер. Сыщик представился и попросил позвать Виктора Рейнгольдовича. Через минуту из мембраны послышался голос Таубе:

– Алексей, я у аппарата!

Они не виделись с поминального обеда после похорон Благово.

– Виктор, нам нужно срочно встретиться. Я могу быть у тебя через полчаса, если удобно.

– Удобно. Приходи.

ВУК занимал один из двух флигелей во дворе треугольного здания Военного министерства. Приятели поздоровались, и барон увел гостя в свой крохотный кабинетик. Уже полгода как он вернулся из Казани обратно в военную разведку. Сменивший Енгальчева на посту директора канцелярии ВУК генерал был человек случайный и недалекий. За время своего правления он выжил из комитета всех лучших офицеров. В частности, Таубе стал командиром резервного батальона в Казанском военном округе. Штабс-капитан Артлебен уехал служить еще дальше, в Уссурийскую пограничную бригаду. В конце концов те, кому следовало, заметили непорядок. Генерал-адъютант Обручев, высший руководитель русской разведки, перевел дурака в министерский Совет, чтобы никому не мешал... Канцелярию возглавил опытный разведчик генерал-майор Бильдердинг. Дело сразу наладилось.

Виктор усадил гостя напротив, молча склонил голову, ожидая вопроса. Алексей с ходу его ошарашил:

– Ты плывешь на Сахалин?

– Да. Надо отбыть полковничий ценз. У тамошнего линейного батальона права отдельной части. Покомандую им годик и вернусь сюда за калошами[8 - Калоши в русской армии имели право носить чины начиная с полковника]. Извини, что не сказал на поминальном обеде – тебе было не до того.

– Отбыть ценз? Или легендировать особо важного агента?

Барон не переменялся в лице, только задумался.

– Так-так... Это знают лишь Галкин-Врасский и Коковцов. Кто из них тебе проболтался?

– Коковцов.

– А для чего? Он вроде умный.

– Дело в том, что я тоже плыву на Сахалин. Одним с тобой пароходом. Вот, читай.

Лыков выложил приказ по МВД, которым он на три месяца назначался врио начальника Корсаковского округа. Таубе прочитал – и не поверил своим глазам.

– Что случилось? Ты наказан? За что тебя в эту дыру?

– Я еду с секретным поручением. В Нагасаки найдены тела трех наших беглых каторжников. Кто-то переправил их в Японию, а затем убил.

– Зачем?

– Вот и мы хотим это знать, – ухмыльнулся Алексей. – Дело хлопотное, очень затратное. Просто так не затевается. С большим трудом вытащить людей с каторги, чтобы потом перерезать им горло... Загадка. Причем все трое «иваны», важные и влиятельные люди. И по отчетности сахалинской администрации они живы-здоровы и сидят в тюрьме!

– Ух ты! Работающий канал по переброске людей в Японию? Ты его находишь, мы пускаем по нему своего человека, после чего ты этот канал закрываешь! А?

Барон сразу загорелся своей идеей. Не дав Алексею ответить, он продолжил развивать мысль:

– Я всю голову сломал, как лучше переправить его на материк, а тут! Ну, караул в моем подчинении, это ладно. А тюремная стража? Как с ней договориться, чтобы осталось в тайне? Даже открытый лист [9 - Открытый лист – внутриведомственный документ, обязывающий всех представителей данного министерства на местах оказывать содействие его подателю.] взял из вашей лавочки! Вдруг оказывается, что стража – это Лешка Лыков! И канал готовый уже имеется. Как хочешь, а представь его мне! Я тебе за это у нашего министра орден выпрошу.

– Надень свой орден на одно место! – осадил подполковника надворный советник. – Во-первых, канал еще нужно найти. А во-вторых, зачем он тебе? Если на том конце беглецов убивают.

Таубе сразу сник.

– Лучше расскажи сначала, что у тебя за беглец. Подумаем вместе, как его спровадить.

– Понимаешь, мне надо перебросить человека не в Японию, а в Китай. Япония так, в качестве остановки на пути. Он должен осесть или в Гонконге, или в Шанхае.

– Давай, Вить, организуем две операции. Помогая друг другу. В Китай твоего человека переправлю я. Документы ему готовы?

– Готовы. Но как ты это сделаешь?

– Я ж буду начальник округа! Царь и бог Корсаковска и окрестностей. Прав – почти как у государя императора. А из обязанностей – только пороть... Я возьму твоего парня в прислуги, третьим помощником старшего конюха. И через пару месяцев посажу на подходящий пароход. Якобы он воспользовался моей безграничной доверчивостью и сбежал. Годится?

– В целом да, – ответил барон. – План хороший, пусть и черновой. Но детали мы придумаем с тобой на месте. Мне нужно, чтобы мой человек хоть чуть-чуть, но примелькался среди шпанки. На случай проверки с той стороны. Все должно выглядеть в высшей степени правдоподобно! Никаких поблажек. Чтобы никто не заподозрил, что это необычный арестант, что ему помогают из тюремной администрации. Понимаешь?

– Конечно. Каторга очень подозрительна и наблюдательна. И любит ловить шпионов в своих рядах.

– Вот! Месяца два, а лучше три пусть живет среди отверженных. То, что ты будешь на Сахалине, все значительно облегчает. Прекрасная новость! Теперь получится обязательно!

– Ха-ха. Я то же самое сказал сейчас Дурново и Галкину-Врасскому.

– Бог любит пехоту! – воскликнул подполковник. – Помнишь, как мы с тобой в Дагестане?

– Бр-р... – передернул широкими плечами сыщик. – Не напоминай. Я тогда в пещере со страху чуть не обделался[10 - См. книгу «Пуля с Кавказа».]

– Я тоже, – серьезно ответил барон. И тут же снова повеселел: – Знаешь, кто тот агент, которого мы с тобой снарядим в Китай? Федор Ратманов. Буффаленок.

– Буффаленок?! – откинулся всем корпусом назад Лыков. – Уже выучился?

– Выучился, – тихо ответил Таубе. – Пора, Леша, ему послужить России. У меня самого сердце кровью обливается, но пора... Пять лет я его лепил. Научил всему, что знаю сам. Поверь мне, Федор хорошо подготовлен.

– Но почему так сложно: каторга, Китай? Куда ты его наметил?

– Он должен осесть в Германии.

– Неужели нельзя напрямую? А тут весь шарик обогнуть!

Подполковник грустно усмехнулся:

– Напрямую нельзя.

– Почему?

– Это значило бы погубить Буффаленка. Уж я-то знаю, какая у германцев контрразведывательная служба. Отследят. Федор – штучный товар. Его задача – проникнуть в Германию через черный ход и поселиться. Тихо жить, делать карьеру и никакого шпионства не касаться. Это называется «дремлющий агент». К началу большой русско-германской войны он должен стать нашим резидентом в Берлине. Операция задумана не на годы, а на десятилетия. Никаких торопливых решений, суеты и спешки. Сейчас Федора зовут Фридрих Гезе. Он сирота, сын ремесленника. Родителей лишился еще во младенчестве. Воспитывался в приюте при кирхе Святого Петра. Последние два года служил приказчиком в магазине Шведера на Большой Морской.

– Погоди-ка! Приют – это уязвимое место! Куча людей знала его. Им можно показать фотопортрет лже-Гезе, и конец легенде!

– В приюте был настоящий Гезе. Он умер сразу после окончания заведения, от дифтерии. Об этом никто не знает. Даже записи из церковных книг мы убрали. Лютеранский священник, что отпевал Фридриха, сам скончался. Федор очень похож на парня. А как меняется лицо, когда из ребенка вырастает юноша, тебе объяснять не надо.

– Ну пусть! А как Федор-Фридрих угодил на каторгу?

– А нечего разменивать фальшивые банкноты! Вот и получил по заслугам. Кстати, в ходе суда и следствия легенда и бумаги Гезе прошли проверку в полиции. Сыскная ничего не заподозрила.

– Сбыт заведомо фальшивой монеты, статья 567? От восьми до десяти лет каторжных работ. Сколько ему приговорили?

– Девять лет и четыре месяца, с навечным поселением в отдаленных местностях Сибири.

– Судья строгий попался. Но почему Китай?

– Германия начинает свою вылазку в Азию. Они припозднились и потому будут торопиться. Тихий океан немцам очень нужен! Где-то возле Китая они захотят поставить складочное место и угольную станцию. Буффаленок сумеет туда проникнуть. Коммерсант, одной с ними крови... Предприимчивый и любящий свою родину, на которой никогда и не был... Как-то так.

Лыков с сомнением покачал головой:

– А не слишком банально?

– Жизнь, Леха, состоит преимущественно из банальностей.

– Это так. Но ведь ему устроят проверку.

– Обязательно. Только наш Фридрих не собирается скрывать свое арестантское прошлое. Ошибка молодости, с кем не бывает! Контрразведка пройдет по всей

его жизни. Не там, в Азии, а когда он уже переедет в рейх. Здесь, в столице, все оформлено как полагается. Судебные бумаги, статейные списки – тоже в порядке. Канцелярский след на Сахалине мы нарисуем с тобой вместе. Вплоть до рапорта о побеге.

– Теперь уяснил. Но и ты, баронище, не забывай: у меня есть свое задание. Кто-то сплавляет наших «иванов» в Страну восходящего солнца. А если их там не всех убивают? Если часть возвращается обратно в Россию? То-то! Будешь моим помощником.

– Так точно, вашескородие!

Глава 2

Начало пути

Пароход Добровольного флота «Петербург» пах свежей краской и сиял надраенной латунью. Старший помощник лейтенант Степура-Сердюков встречал у трапа пассажиров первого класса. Таких было десять человек. Сказав им пару дежурных любезностей, лейтенант исчез. За него остался второй помощник мичман Бирингтон. Молодой и жизнерадостный, он объявил гостям:

– Кто желает осмотреть корабль, обращайтесь! Пока нет арестантов, это сделать удобнее.

Таубе с Лыковым заселились в свою каюту, разложили вещи и пошли гулять по кораблю. Бирингтон провел гостей по всем трем палубам и даже показал машинное отделение. Там было на удивление тихо и прохладно.

– Котлы начнут разогревать завтра. Тогда станет как в Африке! У нас вертикальная двухцилиндровая паровая машина двойного расширения. И четыре цилиндрических котла. О-го-го! Две с половиной тысячи лошадиных сил!

Оказалось, корабль был куплен в Германии и раньше именовался «Тюрингия». Водоизмещение 5100 тонн, команда 120 человек. Товарно-пассажирский

пароход переделали под нужды тюремного ведомства. Из 102 кают первого и второго классов оставили лишь восемь. Чистая публика не желала объединяться с арестантами и выбирала гражданские суда. Тюремными пароходами пользовались только сахалинские отпускники да командированные. Зато много места выделили под третий класс. Несколько больших кают на десять пассажиров каждая помещались ближе к носу. Все остальное пространство заняла плавучая тюрьма. Нижнюю палубу перегородили решетками, разбив на четыре отделения. Внутри установили парусиновые рукава – по ним из вентиляционных труб поступал свежий воздух. В центре отделения – длинный стол; между иллюминаторами повесили икону. Вдоль стен и посередине – двухэтажные нары. Лыкова поразило, как низко расположены иллюминаторы. Казалось, если высунешься, то можно загребать воду рукой! Мичман успокоил сухопутного человека. В открытом море в тихую погоду да при килевой качке это не опасно. А у арестантов будет дополнительная вентиляция. При волнении иллюминаторы, конечно, задрят.

Алексея удивили трубы со множеством отверстий, поставленные в середине каждого отделения. Он решил, что это еще одна вытяжка, но Бирингтон пояснил:

– Устройство против бунтов. Мало ли... вдруг попадет такой рысак[11 - Рысак – беспокойный арестант (жарг.)], что взбаламутит всех? Трубы соединены с паровым котлом. В случае неповиновения в них под давлением закачивается горячий пар. Достаточно открыть клапан, и любой бунт тут же прекратится...

Алексей покачал головой и колупнул одну из дырок пальцем.

– Иван Ефимович, а на «Петербурге» такое случалось? Устройство уж больно... зверское.

– Нет, Бог миловал. Но пусть оно будет. Мы рассказываем о нем арестантам в первый же день. И так, знаете, дисциплинирует!

– А конвой велик?

- Восемьдесят штыков. Живут здесь же, на трюмной палубе.

- Так и возите солдат туда-сюда через весь шарик? Оно же разорительно! На обратном пути охранять-то уже некого.

- Это предусмотрено. Караульную службу на всех тюремных пароходах несут матросы учебных экипажей Балтийского флота. Их после обучения пересылают во Владивосток, на формирование судовых команд Тихоокеанской эскадры. Пока плывут - караулят. Очень, кстати, этим обижаются.

- Что так? - удивился Таубе.

- Профессиональная гордость задета. Обычных матросов призывают по Сибири и Приморью. А из Кронштадта шлют белую кость: гальванеров, баталеров, механиков. Каждый второй - унтер-офицер. А тут каторжных карауль...

- Илья Ефимович, а где знаменитая параша? - поинтересовался опытный Лыков. - Почему я не вижу отхожих мест?

- Они наверху, на второй палубе. Иначе нельзя - не продохнешь.

- И как же ваши обритые пассажиры туда попадают?

- Ходят партиями, под конвоем.

- А умываться им полагается?

- Само собой! - обиделся мичман. - У нас вольный пароход, а не застенок! На шканцах сделаны особые площадки, к ним подведены рукава. Людей каждый день будут выводить туда для купания. Как войдем в тропические широты, это даст им большое облегчение. А питание арестанты получают из матросского котла! Ежедневная мясная порция, апельсины с бананами в южных морях и даже красное вино.

- Насчет вина, кажется, уже перебор, - осторожно заметил Таубе.

Но второй помощник капитана его не поддержал.

– Во-первых, вино рекомендовано докторами – в оздоровительных целях. В трюме тесно и жарко, а плыть в тропических широтах почти два месяца. Во-вторых, люди идут на большие страдания. Не приведи Господь угодить на этот остров! Пусть уж побалуется немного перед адом...

Мимо них с корзинами и узлами шли гурьбой пассажиры третьего класса. Почти все они здоровались с мичманом, как добрые знакомые.

– Это бывшие каторжники, а ныне торговые люди, – пояснил Иван Ефимович. – Сделавшись по отбытии срока крестьянами, они селятся на материке. Навечно, без права возвращения на родину. Но некоторые начинают заниматься коммерцией, снабжают Сахалин и весь Дальний Восток. Им выдают тогда так называемые проездные свидетельства, по которым можно приезжать в европейскую часть страны и даже в столицы. Надо же товары закупать!

– И не сбегают они в этих столицах, честно возвращаются обратно? – усомнился Алексей.

– Кто торгует по-крупному, не убежит. Поставку на Сахалин делать трудно, зато выгодно. Начальство поощряет хороших негоциантов, поскольку казна работает плохо. А если чего-то летом не привезут, то зимой уже не достать. Мелочь дотащат на собачьих упряжках по льду, а тяжести нельзя никак. Поэтому умелые и честные торговцы в авантаже. Их охотно нанимают своими представителями и крупные иностранные дома. Вон тот детина в палевом жакете держит в Александровском посту магазин фирмы Кунста и Альберта. Немчура им очень довольна!

После коммерсантов в коридор ввалилась большая толпа баб с малыми ребятами. Эти вели себя пришибленно и всем кланялись в пол. Напуганные дети не смели даже плакать. Мичман подозвал матроса и велел помочь бабам отыскать свои места. Проводил их взглядом и вздохнул:

– Кого жалко, так это их!

– За мужьями следуют? – догадался Лыков.

– Да. Горемыки из горемык.

– Это семьи осужденных в каторгу, – пояснил Алексей барону. – На деревне их травят, в глаза корят. А мужья пишут, что на Сахалине жизнь райская. Земли дают сколь хошь, и скотину, и семена. Они и поверили...

– А что, не дают?

– Почему? Дают. И даже деньгами на обзаводство наделяют.

– В чем же тогда обман?

Мичман скривился.

– Обмана как бы нет, – сказал он. – Но жить крестьянским трудом на Сахалине очень тяжело. Каторжного, к которому приехала семья, сразу выпускают из тюрьмы, это правда. И селят на земле – тоже правда. Но земля там такая, что урожай сам-друг[12 - Сам-друг – урожай, при котором собрано вдвое больше зерна, чем было посеяно.] считается хорошим. Но часто и он недостижим. Болота, отвратительный климат, снег восемь месяцев в году – это все Сахалин. В итоге урожая нет, есть нечего. А из всех домочадцев рацион получает лишь глава семейства. Он один каторжный! Остальные – вольные люди. Казна их содержать не обязана. И как прожить впятером на один паек? Да никак!

– На работу нельзя разве устроиться?

– Какие же работы на Сахалине? – чистосердечно удивился Бирингтон. – Нет там никаких работ. А которые есть, на них сто желающих на место. Чиновники или офицеры имеют бесплатную прислугу из арестантов, причем сколько угодно. Зачем им вольных людей за деньги нанимать?

– Поэтому бабам и девкам на каторге один путь – в проститутки, – довершил объяснение Лыков. – Других способов прокормиться нет. А узнают они об этом, только когда приплывут.

Таубе крякнул и посмотрел в спину удаляющимся крестьянкам.

– Но хотя бы они вместе! На деревне без мужика все одно не прожить.

– На деревне есть родня. Для тяжелых работ можно нанять людей. Или уехать в город, поступить в прислуги. А на Сахалине? Правительство пытается колонизировать остров, но делает это крайне бестолково.

Облазив весь корабль, друзья вернулись в каюту. В два часа пополудни отправились на обед. В буфете столовались пассажиры первого класса и офицеры «Петербурга». Хрусталь, серебряные приборы, фанерованные красным деревом диваны... Величественный капитан возглавлял табльдот. Он хмуро взирал на полупустой зал. Попутчики быстро перезнакомились. Лыков разговорился с губернским секретарем Фоминым, помощником смотрителя Дуйской тюрьмы. Обветренное лицо чиновника словно скоблили железной щеткой... Голос хриплый, взгляд суровый и недоверчивый. Фомин с супругой и дочерью-подростком возвращался из отпуска. Узнав, что его сосед – новый начальник Корсаковского округа, он сделался словоохотлив.

– Карп Иванович, а расскажите про Сахалин, – один раз попросил Лыков, и после этого Фомина уже было не остановить. Он охотно вводил неофита в курс дела. Дело это в его изложении было трудным и неблагодарным. А для исполнения требовалась единственно строгость.

– Не дать каторге слабину! – заявил он, потрясая кулаком. – Вот главное. Ведь там кто? Одни шильники и прохвосты. Дай им палец, так откусят до локтя. Каторжным все время что-то нужно, отбою нет от претензий. Ежели, Алексей Николаич, сразу себя не поставите, трудно будет управлять. Сядут на шею! Я, как в должность вступил, приказал перво-наперво выдрать тех десять человек, что обратились ко мне с жалобой. Не разбираясь. Тридцать розог каждому. И знаете, помогло. Тут же, сволочь, увидали твердую руку.

– Отказали без разбора? – опешил Лыков. – Как так можно? Наверняка часть просьб была законной и обоснованной.

– Конечно, была, – согласился собеседник. – А откуда нужда взялась? Вот, пришел, просит рукавицы. Куда они делись? Всем выдавали, у всех есть, а у него нет. Понятно – проиграл в карты. Теперь руки зябнут. А зачем играл?! И все их просьбы такого сорта. Нет. Дерите их, Алексей Николаич, всех подряд, мой вам совет. Дерите и дерите! Поверьте бывалому сахалинцу. У вас власть – о-го-го! Я или смотритель можем приказать только по тридцать розог, а вы – целых сто. Вот и лепите всем без снисхождения. Сахалин – это свалка отбросов. В нашей службе самое страшное – каторгу распустить.

Лыков стерпел речь «бывалого сахалинца» с трудом. Ясно, что переубедить его нельзя. Спорить? Только поспорят, но друг друга так и не поймут. А за два месяца плавания губернский секретарь может рассказать и что-нибудь действительно полезное. И сыщик решил помалкивать. Наводить помощника смотрителя на нужные ему темы, а морали не касаться.

После обеда, весьма вкусного, пассажиры отправились в город. Пароход предоставлял больше удобств, чем лучшие из одесских гостиниц, и будущие путешественники охотно на нем селились. «Петербург» отплывал через четыре дня. Завтра он примет первых арестантов. Лыков знал, что пароходы Добровольного флота возят осужденных из трех тюрем. Больше всего народу поставляла Московская пересыльная, знаменитая Бутырка. Там к каждому сплаву (так называли доставку на Сахалин) собирали по четыре сотни человек. Весь северо-запад империи, включая Петербург и Варшаву, отправлял своих приговоренных в Бутырку. Накопив нужное количество, оттуда высылали к морю арестантский эшелон. С юга и востока каторжные поступали из двух централов. Новоборисоглебский направлял людей прямо в Одессу, а Новобелгородский – через Харьковскую пересылку. В результате трюмы парохода наполнялись постепенно. На пирсе прибывших сверяли по статейным спискам и делали два досмотра: медицинский и вещевого. В тюрьме перед отправкой каждому каторжному выдали полное вещевое довольствие. Туда входили: полушубок, летняя короткая куртка со штанами, армяк с тузом на спине, серая бескозырка, суконная зимняя куртка с подбитыми ватой штанами, суконная шапка с наушниками, по две пары летнего и зимнего белья, рукавицы, четыре пары чирков с подвертками[13 - Чирки – кожаные арестантские туфли, подвертки – обмотки.], две пары бродней[14 - Бродни – кожаные или суконные зимние сапоги.], четыре пары подкандалников. Опытные и денежные арестанты покупали валенки и папаху. Имущества – казенного и личного – набивался целый мешок. Осмотр и пересчет его перед погрузкой занимает полдня. Еще полдня уходит на освидетельствование прибывших. Их уже осматривали в тюрьмах перед отправкой. За недолгую дорогу заболеть по-настоящему никто не успел. Но симулянты воспользовались временем по-своему. Кто-то выпил табаку и жалуется, что «нутро горит». Другой распорол ногу, напихал туда грязи и теперь показывает доктору жуткое воспаление. Третий прикидывается душевнобольным. Все эти уловки судовому медику давно знакомы. Симулянтов безжалостно загоняют в трюм, где они будут неделями страдать от собственной глупости.

И вот завтра с московским поездом среди четырехсот отверженных в Одессу прибудет Буффаленок. Затем чуть не два месяца пути, в душном трюме, среди убийц и грабителей. Алексей и Виктор будут ходить над его головой по прогулочной палубе, пить водку в буфете, осматривать заморские города... И ни единым жестом они не смогут поддержать парня или уберечь от ножа. Нельзя. Каторга очень подозрительна. Немчик из торговых людей, сирота без роду-племени. Захотел легких денег, попался и катится теперь вниз. Никто в целом мире не подаст ему руки. Такова легенда. Федор должен надеяться лишь на себя. Ему подсобят убежать с Сахалина, а потом – годы и годы без друзей, без родины. Под чужим именем. Сам выбрал себе такую судьбу!

Алексей помнил, как все начиналось. Таубе первый обратил внимание на подростка с удивительными способностями. Может, узнал в Буффаленке себя молодого. Как вообще люди приходят в секретную службу? Одной тяги к приключениям недостаточно, чтобы взвалить на свои плечи такой груз. А история с Федором – из ряда вон. Российская разведка, по словам Виктора, еще не вышла из свивальников[15 - Свивальники – пеленки.]. В отличие, например, от британской или германской. Ассигнования копеечные, люди случайные, структура архаичная. В штабах приграничных округов только-только созданы отчетные отделы. В них два-три офицера занимаются изучением сопредельного противника. Едва откроется где вакансия ротного командира – сразу бросают штаб и бегут туда... Военно-ученый комитет руководит этими отделами, а еще десятком военных агентов за границей. Да несколько человек сидят в Азиатском департаменте Военного министерства. И все! Впервые после окончания войны с турками Таубе смог убедить начальство внедрить агента на Западе. Операция сверхсекретная и уникальная. Резидент-нелегал в Берлине! Мечта нашего Генерального штаба! Разведывательной сети в Европе у России нет. Прикормлены несколько писарей в штабах германских корпусов... А то, что большая война неизбежна, для военных очевидно. Поэтому засылку Буффаленка курирует сам Обручев. Он отвел Федору десять лет на то, чтобы окольными путями попасть в Фатерланд. И просто жить там, не занимаясь ничем противозаконным. Делать карьеру, лучше всего в качестве промышленника, но можно и политика. Обрасти знакомствами и связями, разбогатеть, стать образцовым немцем. И, только утвердившись, начать создавать в Германии организацию (или, как сказал Таубе, резидентуру). Случится это уже в следующем веке. Война к тому времени существенно приблизится. Организация должна быть готовой вести тайную работу в условиях конфликта. Границы закроют, посольства выгонят, связь с Петербургом станет невозможной. А разведка без связи – пустое место. Сеть Ратманова-Гезе обязана давать сведения бесперебойно. Федор это знает, и отведенные ему на обживание

полтора десятка лет потратит на создание устойчивой связи. В заведомо нейтральных странах – Швейцарии, САСШ, Бельгии – он должен завести деловых партнеров. Они станут «почтовыми ящиками», когда заговорят пушки. Таубе пять лет обучал Буффаленка, и они многократно проговорили его задание. Потом в Шанхае и Берлине подсказывать уже будет некому. «Дремлющий агент» не имеет права встречаться с начальством или курьерами – опасно.

Виктор учил Буффаленка конспирации, методам обнаружения слежки и ухода от нее. Способам вербовки, умению нравиться, навыкам выпрашивать так, что собеседник радостно расскажет тебе всю подноготную. Выбору объекта вербовки, когда унтер из интендантского управления нужнее, чем офицер штаба. Учил, что сведения о военной промышленности важнее дислокации дивизий. А знакомства среди магнатов полезнее дружбы с генералами. Еще подполковник предостерегал от спешки и погони за успехом. В Германии патриотизм в почете, и прямые вербовки невозможны. А германская противоразведочная служба не чета нашему ОКЖ[16 - ОКЖ – отдельный корпус жандармов.], все силы которого уходят на борьбу с революционерами. Экономическая и политическая разведка – вот задача Фридриха Гезе. На десятилетия вперед он – один. Если переходить на высокий стиль, то это жизнь, принесенная в жертву. Причем, если все пойдет хорошо, Россия об этой жертве никогда не узнает. А узнает, лишь если резидента поймают и повесят...

Лыков слонялся по палубе и неотвязно думал о Буффаленке. Как сложится его жизнь там? Ведь это жизнь, и в ней будет все... Парень влюбится, женится, заведет детей. Под чужой личиной, скрывая свое подлинное имя от любимой женщины? Вряд ли такое возможно. А признается – сделает ее сообщницей, и тогда еще страшнее. Жуткое будущее... Не дай Бог никому.

День так и прошел в беседах с новыми знакомыми. Особенно усердствовал словоохотливый Фомин. Перед обедом Таубе, как старшему в звании, представился штабс-капитан в кафтане восточно-сибирских линейцев. Высокий, крепкого сложения, со скуластым простодушным лицом, он произвел приятное впечатление. Таубе спросил про аннинский темляк на шашке штабс-капитана:

– За что отличие?

– За восемь схваток с хунхузами.

Выяснилось, что офицер служит в 4-м линейном батальоне и является новым подчиненным барона. Звали его Сергей Иванович Бисиркин. Скромный и слегка затурканный унылой караульной службой на краю империи – таков оказался их попутчик. Держался Бисиркин, правда, с неброским достоинством и общества нового командира не искал. Скорее, Таубе вцепился в него с расспросами. Вечером он сказал сыщику:

– Хороший офицер! Уже за сорок, а все еще штабс. Кто-то его держит, не двигает. Не понимаю почему. Бисиркин звезд, конечно, с неба не хватает, но порядочный. Когда я спросил его о сослуживцах, уклонился. А то, знаешь, есть любители давать характеристики...

– А где стоит его команда?

– В Рыковском. Это Тымовский округ, не у тебя.

– Все равно полезно с ним поговорить. Оттуда ведь бежал один из убитых «иванов». Округ выходит к Охотскому морю. Там можно сесть, например, на японскую шхуну и...

Идея про шхуну пришла в голову Лыкову недавно. Вот самый быстрый способ оказаться в Японии! Сыщику не терпелось проверить свою догадку на сахалинцах.

– Ты прав. Путь у нас долгий. Наведем его на разговор о побегах и зададим свои вопросы. Сергей Иванович выглядит приличнее Фомина, с ним и побеседовать приятнее.

Друзья выпили для хороших сновидений коньячку и легли спать. Снаружи плескали в борт волны, слышались шумы портовой, никогда не затихающей жизни. Дежурный пробил склянки: ноль часов. Виктор повозился-повозился и повернулся к Алексею.

– Черт! Одесса рядом, а мы с тобою дрыхнем. То ли дело раньше, а?

– Лежи, женатик! Ты свое отгулял.

– Эх, ушла молодость... Я, когда по городу ходил, заметил: очень в Одессе женщины красивые! Необычной такой красотой, не как в Петербурге или Москве.

– Это оттого, что здесь перемешана разная кровь, – тоном знатока пояснил Лыков. – Столкнулись четыре народа: русские, малороссы, евреи и греки. Получилась адская смесь! А еще море.

– Что море?

– Оно отбраковывает малодушных. В Одессе многие мужчины с ним связаны: рыбаки, матросы...

– Контрабандисты, – подсказал Таубе.

– ...контрабандисты, военные мореходы. Лихой народ, не трусливый! От таких мужчин у женщин рождаются красивые дети.

– Романтизм! Просто ты книжек в гимназии начитался. Мужчины везде одинаковы. Это женщины разные.

– Юбочник ты, баронище, поэтому тебе так и кажется. Неужели ребята в Муроме или Арзамасе такие же, как здесь, в Одессе? Уж нет! Море меняет людей. В лучшую сторону.

– Романтизм... – повторил Виктор, зевая. – Лучше это... расскажи про варшавских женщин.

– Что именно? – нахмурился Лыков.

– Сам знаешь что. У тебя ведь там было?

– Что было?

– Не валяй дурака. Приключение с польками было или нет?

– Ну, было... – нехотя ответил сыщик после паузы.

- Что ты, как шпион на допросе, упираешься? Клещами надо вытаскивать! Говори товарищу как на духу!

Таубе даже сел на кровати, отбросив одеяло.

- Мы с тобой с Дагестана так вот, бок о бок, не жили. Сознавайся!

- Там, понимаешь, такое приключение выпало, что о-го-го...

- Ну-ну, продолжай!

- Красивая попалась. Единственное, что меня извиняет... Я же не как ты, скромный, небалованный! Ты своих, поди, на дюжины считаешь?

- Эх, ушла молодость! Но ты продолжай, продолжай...

- Ну, красивая, говорю, попалась. Очень! Руки словно из мрамора точеные, а уж грудь! Словами не описать... А тут еще, когда я лишь собирался, мне все уши про полек прожужжали. Знаешь, как это бывает. Сойдутся три балабола. «Ты в Варшаву?». - «В Варшаву». - «Ой, там такое творится! Сам не был, но знаю из достоверных источников, что польки очень любвеобильные! А уж в постели лучше всех!» И так далее...

- Ты хочешь сказать, что тебя подготовили?

- Не то слово! Я и приехал уже настроенный попытать счастья. Хожу, хожу, а его все нет. Женщины, правда, шикарные. Только от нас, русских, шарахаются, как от чумных. Остается лишь слюни подбирать. И вдруг! Меня - и такая! Что скажешь? Конечно, я сомлел...

- И что?

- И все. Любил пани, любил, а потом домой вернулся.

- Да, Варшава... - вздохнул Таубе. - У меня там тоже была одна. Удивительная... Где она сейчас?

– В Варшаве прямо в воздухе витает, – подхватил Алексей. – Парки, кавярни, шпацер по вечерам[17 - Кавярня – кофейня (польск.), шпацер – варшавский обычай вечерних прогулок.]. Вся жизнь на флирт настраивает. Почти как в Ялте.

– Да ты и там отметился? – рассмеялся Виктор. – Ах, шалун! Вместо того чтобы государя императора стеречь, он бабцов обхаживает...

– В Ялте хочешь не хочешь, а окрутят. Столичные дамы прямо с ума сходят. Заводят себе учителя верховой езды, из крымских татар, – и в горы. На выездку. Как только не боятся? Будь я женщиной, не решился бы ни за что. Одна, с незнакомым татаринком... С ночевкой в какой-то сакле...

– А что, были скандалы, недовольные? Может, кто-то уехал и не вернулся?

– Нет, ничего подобного. Мы, когда государь в Ливадии, всегда держим в Ялте своих людей. И следим за происшествиями в округе. Никаких скандалов! Дамы все благополучно возвращаются, очень довольные. Мы на всякий случай поинтересовались – мало ли что? Так вот, теперь это высокодоходный татарский промысел. Поставка приключений скучающим дамам из столиц. Есть очень громкие фамилии. А среди молодых наездников завелись свои чемпионы, чьи имена передаются в Петербурге по эстафете. На них существует очередь! Парню двадцать с небольшим, а у него на счете в банке уже тридцать тысяч лежит. Каково?

– Да, – согласился Таубе, – я столько за всю службу не отложу. С другой стороны, кому от этого плохо? Барынь можно понять. В столице такая скука...

Друзья посмеялись и вскоре затем уснули. Утром их разбудил звон цепей и шум голосов. Быстро умывшись, они вышли на прогулочную палубу и увидели на пирсе множество наполовину обритых голов. Каторжники прибыли на погрузку. Старший помощник, сверкая злыми глазами, торопливо шагал мимо приятелей. Козырнул и сказал на ходу:

– Снова путейцы оба состава в один день подогнали. Вот идиоты!

На пирсе действительно была суматоха. Четыреста пятьдесят человек сгрудили в один конец и огородили часовыми. Начальники конвойных команд сдавали партии морскому караулу по головам. Крики, ругань, наглый арестантский

смех... Среди забитой и запуганной массы шныряют бывалые рецидивисты, ищут, кого бы растрясти на деньги. Как там Буффаленок? Ему сейчас ничем не помочь, и лучше даже не встречаться взглядами. Поэтому подполковник и надворный советник отправились в город за последними покупками.

Алексей расспросил Фролова, что на острове самое недоступное и желанное. Тот ответил:

– Икра! Обычная паюсная икра. Так иной раз ее охота, а ни за какие деньги не достать!

Лыков, привыкший к тому, что этого добра полно в любом второразрядном трактире, удивился.

– Чем же вы там водку закусываете?

– Другой икрой, местной. От периодической рыбы[18 - Периодическая рыба - рыба, идущая на нерест.].

– Никогда не слышал!

– Видите ли, красной рыбы на Сахалине нету. На севере, в двух озерах, водятся, говорят, осетры, но сам я их не пробовал. Места там трудные... Поэтому в ходу икра периодических рыб, в первую очередь кэты.

– Кэты?

– Да. Ее у нас очень много. С июня по август рыбы заходят в реки метать икру, тут их и добывают в огромных количествах. Если японцы дозволят.

– Это как понять? – нахмурился Лыков.

– Так и понимайте. На острове всего две значительных реки: Тымь и Поронай. Вторая, кстати сказать, течет через ваш округ и впадает в залив Терпения. В устье – большие склады, воинская команда, поселенцы; называется Тихменевск. На другом конце залива остров Тюлений. На нем стоит морской пост. Охраняют тамошнее лежбище морских животных от хищничества.

– Чьего хищничества?

– Да тех же японцев. Дай им волю, они всех побьют, никого не оставят. Тюленей, моржей, котиков – всех. Жадные – страсть! К чему уж я это говорю?.. Ах, да. Устье Пороная охраняется. И нерест рыбы в нем японцам недоступен. А вот Тымь впадает в Охотское море в глухих местах. Ныйский залив – совершенно дикий край, где живут одни гиляки. И когда начинается ход кэты, японцы имеют привычку перегораживать реку. Поперек устья, сетями. И забирают всю рыбу себе. Целиком!

– А что начальство? Почему оно это позволяет?

– А начальство далеко, за двести верст, в Рыковском. Заготовка периодической рыбы – важная статья хозяйства на Сахалине. Каторгу нужно кормить. Не мясом же баловать этих чертей! Тем более постные дни. Рыбы у нас едят много, в большинстве соленой. И когда идет ход, все другие дела бросают. Надо сделать запасы на год вперед! Тюрьма выделяет особые артели, которые ловят рыбу и днем и ночью. Кэта, добравшись до верховий, выбрасывает икру и молоки, а потом погибает. Есть ее тогда уже нельзя, нужно перехватить раньше, пока не отметалась. И вдруг артельщики обнаруживают, что рыбы в реке нет... Ясное дело: япошки снова перегородили Тымь. В устье высылаются воинская команда на лодках. А там двести верст и сто порогов. Через неделю солдатики приплывают в Ныйский залив, где уже ни японцев, ни рыбы. Каторга опять осталась без кэты.

– Понятно. Грустная история. Но мы начали про икру.

– Да! Икра периодических рыб оранжевого цвету!

– Не может быть!

– Приедете – увидите. И вкус другой, хуже, чем у паюсной, но под водку годится.

Встревоженный Лыков поехал в город и закупил дюжину фунтовых жестянок с икрой производства астраханской компании «Моралев и Щепетов». Велел также упаковать в ящик со стружкой шесть бутылок французского коньяка. Там пригодится! Небогатый Таубе смог позволить себе лишь бутылку португальского

портвейна. Взял заодно небольшой запас «манил», надеясь дотянуть до Сингапура и там уже шикануть на всю сотню. Друзья были готовы.

Еще они много говорили о женах. И Варенька Лыкова, и Лидия Таубе – обе были в положении. Причем про Варвару это выяснилось, можно сказать, за день до отъезда и сильно затруднило разлуку. А Лидия Павловна должна была родить через полтора месяца, что разрывало Виктору сердце. Первый ребенок, долгожданный! А он уплывает на край света, на целый год... Медицинская часть на Сахалине вызывала большие сомнения, поэтому жен нельзя было брать с собой. Оставалось только говорить о них.

Глава 3

Лекция штабс-капитана Бисиркина

Наконец пассажиры «Петербурга», и вольные, и невольные, заняли свои места. В грузовом твиндеке уложили для нужд Сахалина две тысячи тонн всякой всячины. Еще полторы тысячи тонн ивановской мануфактуры, через Индию в Персию, зафрахтовали купцы. Сами негоцианты – грек и два перса – ходили по пароходу неразлучной троицей. В разговор они ни с кем не вступали и столовались отдельно.

Компания Лыкову и Таубе сложилась как-то сама собой. В нее входил представителем от команды добрейший мичман Бирингтон. Иван Ефимович давал советы, что смотреть и что покупать в заморских портах. Рассказывал судовые новости и вполне приличные анекдоты. Он же зачитывал телеграммы международных новостных агентств, которые пароход забирал на стоянках. В компанию вошли и супруги Фроловы с молчаливой дочкой. Жена Карпа Ивановича оказалась женщиной недалекой, но доброй. Выяснилось, что она часто заступалась за арестантов перед своим грозным мужем. Это примирило с ней Лыкова, и на Сахалине они простились по-дружески.

Самым симпатичным членом компании был Бисиркин. В отличие от губернского секретаря он не лез с бесконечными и однообразными рассказами. Тоже «бывалый сахалинец», Сергей Иванович предпочитал слушать. Много и охотно он мог говорить только о лошадях, которых очень любил и в которых знал толк.

А так помалкивал... Но на заданные вопросы отвечал обстоятельно. Поняв это, друзья взяли беднягу в оборот. Стараясь не сильно надоесть, они ежедневно выпрашивали своего попутчика. Не шибко образованный, но основательный и порядочный – таков оказался штабс-капитан Бисиркин. Он честно хотел дать начальству требуемые им объяснения. Большой опыт был тому подспорьем. Рассказы офицера очень пригодились.

По чужим городам они гуляли тоже втроем. Тут заводилой выступал Таубе, который везде бывал и все знал. Началось все с Константинополя. Известно, что русские офицеры, находясь за границей, не могут носить мундир. Подполковнику и штабс-капитану пришлось поэтому переодеться в партикулярное. Барон в добротной визитке и с тростью выглядел очень импозантно. Но нелепо смотрелся Сергей Иванович. В своей мешковатой парусиновой паре он был похож на прогоревшего антрепренера... Так и ходили гурьбой, имея собственного чичерона, притом говорящего на всех языках. Алексей запросился в Ая-Софию и получил ее. Бисиркин ни о чем не просил, молчал, ничего не покупал – экономил деньги, да и некому везти... Взял только две дешевенькие фески: одну себе, вторую ротному командиру. Таубе не удержался и докупил немного сигар.

Восточный, шумный, веселый город очень понравился сыщику. Но что-то засело внутри. До сих пор он видел турок или в прорезь прицела, или на кончике своего кинжала. Лыков за время войны сократил мужское население Порты на два десятка человек. И теперь эта кровь мешала ему торговаться с лавочником, пить кофе на берегу Босфора. Словно бы он виноват перед этими людьми! Раздосадованный сам на себя, Алексей убрался из Константинополя с облегчением.

В Порт-Саид пароход прибыл, когда пассажиры спали. В два часа ночи Лыков проснулся оттого, что в каюте были посторонние. Чье-то сопение и топот ног... Он торопливо зажег фитиль в лампе. Два грязных египтянина в бурнусах бросились к нему, что-то крича на ломаном английском. Сыщик сжал кулаки, но быстро выяснилось, что это не нападение, а торговая операция. Египтяне предлагали купить у них фотографии сфинксов, пирамид и прочей дребедени, любимой туристами. Тут наконец проснулся Таубе. Он молча взял торговцев за ворот и выбросил в коридор. Задвинул засов и снова улегся. Не тут-то было! Через минуту дверь стала трястись, словно какюту брали штурмом. Лыков разозлился. Что за беспардонность? Он распахнул дверь. Три новых комиссионера чуть не сбили его с ног, протягивая толстые пачки тех же

фотографий. Удар! другой! Египтяне кубарем покатались по коридору. Из соседних кают выскочили на крики их соотечественники. Алексей показал кулак на обе стороны и закрылся. Больше их не беспокоили.

Проснувшись утром, надворный советник увидел в иллюминаторе серую полосу земли. Она ползла совсем близко, как будто «Петербург» плыл по Клязьме. Канал! Лыков стал торопливо одеваться. Таубе уже брился, поглядывая в окно с брезгливой гримасой.

- Айда быстрее!

- Чего я там не видел?

- Ты что?! Это же Суэцкий канал, великое детище человеческой мысли!

- Запомни, Леха: отсюда и до Адена – самое отвратительное место на земле. Верблюды, комары и неслыханная жара.

- Да ну тебя!

Лыков вышел на палубу и уже через полчаса понял, что его опытный друг прав. Сначала было интересно наблюдать за судами, как они медленно-медленно ползут в обе стороны. Ширина зеркала канала – всего тридцать саженей. Встречные корабли расходились впритирку, едва не чиркая бортами. Суэцкий канал не принимал посудины с осадкой, превышающей пять саженей[19 - В 1889 году максимальная осадка судов, проходящих там, составляла 9,75 метра.]; лишь поэтому движение было возможно в обе стороны.

Справа, где Аравийская пустыня, виднелась железная дорога. По ней катил одинокий поезд, казавшийся издали игрушечным. Слева раскинулась угрюмая пустыня Эт-Тих, совершенно ничем не примечательная. Бурая вода «великого детища» издавала неприятный гнилостный запах. Очень скоро взору сыщика наскучили однообразные пейзажи. Тут появился Таубе, как всегда, элегантный. Первое, что он сделал, – это рассмотрел соседние пароходы. И сразу обратил внимание друга на то, как много вокруг германских судов.

– Гляди! Они начинают осваиваться в мировом океане. Припозднились и теперь восполняют упущенное нахрапом. Немецких вымпелов все больше и больше. Англичанам это сильно не нравится.

– А нам?

– Нам с ними детей не крестить. И океан не делить. Разве что в Персии схлестнемся.

– Но везут же купцы товар в Персию даже на нашем пароходе! Так что пока мы не проигрываем.

Таубе усмехнулся, незаметно осмотрелся по сторонам. Они вдвоем стояли по левому борту у дымовой трубы. Грек и два перса, как обычно неразлучные виднелись на корме. Негоцианты о чем-то спорили, по-восточному живо жестикулируя.

– Ну ладно... Ты человек проверенный, дальше тебя не уйдет. Тот перс, что повыше ростом, – подъесаул Ливкин. Плывет создавать резидентуру на южной границе Афганистана.

Ошарашенный Лыков стал поворачиваться, но барон за рукав потащил его на нос.

– Не пялься, дурачок!

– Но... он же вылитый перс!

– Ливкин родом из Гурьева, там этих ребят в избытке. Поэтому язык и обычаи он знает в совершенстве.

– Но на кой шут нам Афганистан?

– Олух ты, Лешка. Там творятся интереснейшие дела. А мы о них ничего не знаем! Северная граница совершенно непроницаема. Возникла мысль подглядеть с юга, это много проще. Заодно и Персию с Индией пощупать...

- Смелый человек! Если узнают, что с ним сделают?

- Да уж ничего хорошего. Давид Иванович не только храбрый, он еще и толковый. Сейчас его зовут Мирза Мехди. Не вздумай как-то его выдать! Ни взглядом, ни жестом. Все очень серьезно. Я не удивлюсь, если на борту «Петербурга» имеются люди из Секретного и политического департамента Индийского офиса.

- Что за лавочка? Британская разведка?

- Да, их индийское отделение. Народ там умный, подъясаулу придется нелегко. Но - чу! К нам идет Бисиркин. Давай уведем его в курительную комнату и разговорим на предмет побегов с Сахалина.

- Давай. А в конце осторожно и про Японию. Как, мол, туда наши каторжные попадают?

Так они и поступили. Безотказный штабс-капитан дал завлечь себя в мужскую комнату салона. Троица уселась полукругом на диване. Офицеры закурили, а Лыков вытребовал чаю. Он же и начал разговор.

- А вы знаете, Сергей Иванович, что ваши имя-отчество означают на арго уголовных?

- Нет, - растерялся тот. - А как имя и отчество могут угодить в жаргон?

- Редко, но бывает. Например, Каролина Ивановна - это гиря на ремне. Кстати, страшное оружие! Меня им однажды чуть не уложили в Автово... Фома Иванович - большой лом. А Сергей Иванович означает висячий замок.

- Правда? - удивился Бисиркин. - Но почему?

- Сергей Иванович - это большой замок, амбарный. А маленький называется Сережка. Уже без отчества.

- Ну тогда понятно. Сережка - это дужка от замка, вот и прозвали. А я три года караю мазуриков, а про то не знал! Я - и замок...

– Кстати спросить, Сергей Иванович, как вы туда угодили? Это же вроде наказания, так?

– Извольте ли знать, не так. А даже наоборот – поощрение.

– Поощрение? В эдакое место?

– А деньги? – покачал рано поседевшей головой Бисиркин. – Усиленный оклад жалованья, плюсом полуторные столовые. Казенная квартира с отоплением и освещением и бесплатная прислуга. Обычному строевому офицеру такое и не снилось...

– Какая прислуга? – удивился Таубе. – Вы же не денщиков так называете?

– На Сахалине любой, кто находится на службе, обложен прислугой со всех сторон. Лакеи и горничные имеются у самого ничтожного телеграфиста. А уж у ротного командира или смотрителя поселений кого только нет! Няньки для детей, садовник, конюх, даже собственный повар! И все забесплатно, от тюрьмы. Можно и вольного нанять, но этому уже придется платить. Приедете на остров, господа, и сами увидите.

– Хорошо, приедем и увидим, – согласился Алексей. – Но давайте вернемся к тому, с чего начали. Вас, значит, в поощрение на край света загнали?

– Так точно. После того как хунхузы легкое мне издырявили.

– Ого! Где и когда?

– В Уссурийской тайге, возле озера Ханко. Чуть я тогда не помер, да Господь, видать, пожалел... Хунхузы, извольте ли знать, народ опасный. Даже, можно сказать, страшный. Само слово это уже должно пугать. Слышали, что оно означает?

– Нет, – хором ответили собеседники.

– А означает оно «красная борода». Первые разбойники красили себе бороды, чтобы казаться ужаснее. И то верно: китайцы сильно их боятся.

– А русские?

– И русские тоже. Которые там крестьяне или зверовики. Знамо дело. Забайкальские казаки да мы, сибирские линейцы и стрелки, – другой разговор. Нам это привычно. Да-с...

Бисиркин не спеша затянулся. Так он курил трубку, но принимал и дареные сигары. И всегда благодарил... Сигарами штабс-капитана угощал Таубе (ему Бисиркин не смел отказывать), а оплачивал эту роскошь по тайному между ними уговору богач Лыков.

– Ну отлежался я, вижу – поживем еще. Можно опять за китаезами гоняться. Да начальство у нас с пониманием. И послали меня в 4-й батальон, чтобы жирком оброс маленько, хе-хе... Тоже, конечно, служба не сахар. Караулишь этих несчастных, караулишь, да и сам себя арестантом чувствуешь. Климат ужасный, народ кругом злой. Только и думают, как тебе голову свинтить. Зато хоть не стреляют. Почти. А ежели удастся мне выслужить капитана да получить роту, то и жениться можно. Пока нельзя, не проживем вдвоем-то. А уж ежели... Я в госпитале в Павловске с такой славной женщиной познакомился...

Тут до Бисиркина дошло, что он ляпнул о своей мечте батальонному командиру. И это может быть расценено как умышленная оговорка. Штабс-капитан смутился:

– Ну глупость это, вам не интересно...

– А побег? – выручил его Лыков.

– Побег? – радостно подхватил Сергей Иванович. – Их сколько угодно!

– Прямо так и бегут круглый год? – подзадорил его Алексей. – А сделайте милость, расскажите нам. В подробностях. И мне, и Виктору Рейнгольдовичу это будет полезно, по занимаемым должностям.

– Это верно. Вопрос, как говорится, на злобу дня. Ну так и быть. Охотно расскажу, что знаю сам.

Штабс-капитан откинулся на спинку дивана, затянулся турецким табаком. Лыков позвал буфетчика и заказал три кружки пива с моченым горохом. Собеседники пригубили, и Сергей Иванович начал свою лекцию.

– Извольте ли знать, Сахалин тянется с севера на юг на девятьсот верст. Северная его оконечность для житья не пригодна и потому необитаема. Как говорят каторжные: тундра. Это, значит, они так тундру называют... Люди живут в середине острова да на юге. Где вам, Алексей Николаевич, и выпало начальствовать... Так вот. Да! Тут еще надобно знать про каторжные разряды.

Лыков знал эти разряды, но не стал перебивать линейца. Пусть баронище послушает, ему полезно.

– Собственно каторга, как привыкли думать обыватели: с цепями, обритыми головами и под вооруженным караулом – это разряд испытуемых. Помещается он в кандалной тюрьме, отдельно от остальных. По прибытии на остров туда сажают лишь тех, у кого срока двенадцать лет и выше. Все прочие железо сразу симают и назначаются в разряд исправляющихся. Режим там много более мягкий. Головы не бреют, на работы водят под охраной одного надзирателя. Год в исправительном, или, иначе, общем отделении засчитывают по отбытии десяти месяцев. И даже дают двадцать два праздничных дня. Главное же – на этот разряд распространяются царские манифесты! Государи у нас, слава Богу, добрые. Чуть какой повод – сразу манифест о сокращении сроков. И на круг выходит, что каторга таким образом уменьшается вдвое.

– Вдвое? – не поверил Таубе. – То есть злодей, получивший десять лет, отсидит только пять? Да еще и без кандалов?

– Так точно. Мы со зрителем Рыковской тюрьмы Ливиным однажды для интересу подсчитали: вдвое. Больше того, общее отделение напоминает скорее ночлежный дом, чем тюрьму. Вход и выход свободные. Кто не наряжен на работы, гуляет где хочет безо всякого надзора. Надобно только утром и вечером отметиться на поверке. Правда, следует сказать: бывает, что работы у исправляющихся тяжелее, чем у кандалников. Тех ведь приходится сопровождать под воинским караулом. А солдат с ружьями в тайгу на неделю не

пошлешь.

- Почему? – удивился Лыков.

- Ну как почему? Там их надо два раза в день кормить горячей пищей, как следует по уставу. И разместить на постой. А откуда они в тайге? Это арестанты могут жить в шалашах, крытых корьем, и питаться сухарями; солдату не положено. Вот кандалники и шуруют близ тюрьмы. Делают что придется, а иногда и просто лодырничают. А вольные все на строительство дорог да в угольные копи! Самые тяжелые арестантские работы – дровотаски да пильщики – достаются всегда разряду исправляющихся. Потому как вблизи тюрьмы лесу уже давно не осталось...

Да-с... Отбыв два-три года, много пять, в общем отделении, каторжный переводится в вольную команду. Тут он вообще забывает, что такое тюрьма. Живет, где хочет; обычно такие снимают угол у поселенца. В тюрьме появляются, только чтобы получить паек.

Забыл сказать! Ежели вместе с каторжным приплыла его семья, он сразу освобождается от тюрьмы. Такие семейные есть в каждом сплаве, в том числе в нашем. Первые два года на Сахалине эдакий счастливец даже не работает. Ему дают возможность обзавестись хозяйством. Затем администрация заставляет его хоть что-то делать, но урочно. То есть так, чтобы эти его труды не мешали семьянину управляться с вышепоименованным хозяйством. Но чаще мужик играет целыми днями в карты. А баба его торгует телом, поскольку паек ей не положен.

Когда каторга кончается, наш арестант выходит на поселение. По закону он должен отбыть в этом качестве десять лет, но и здесь ему уготована поблажка. За хорошее поведение срок может быть уменьшен до шести годов, и администрация охотно тем пользуется. Каторжных да поселенцев и без того некуда девать, и работы для них часто нету. Корми дармоедов... Правда, поселенец вроде бы сам себя обязан содержать, но это на Сахалине плохо получается. Только у единиц. Поселенцу вручается земельный надел, некоторая сумма в подъемные, еще семена и сельскохозяйственные орудия. И живи! Паши землю. Тут в большинстве случаев начинается беда. Из-за скудости почвы и ужасного климата прокормить себя сельским хозяйством положительно невозможно. Оно под силу лишь разве крестьянской семье, сызмальства приученной к такому труду. Бывший мещанин там или купец – ни за что не

управятся. Даже ежели станут сажать одну картошку, требующую меньше всего ухода. И это при том, что казна скупает все, что произведено на Сахалине. За любые деньги! И выходит дешевле, чем везти из Одессы. Однако подавляющая часть ссыльнопоселенцев прокормить себя не в силах. Многие с голоду идут обратно в тюрьму, попрошайничать. Там им хотя бы нальют баланды. Хлебный паек, основу рациона, – это, извольте ли знать, три фунта хлеба в день – каторжные съедают сами. А баланда остается. Ею и делятся с несчастными.

Главная забота поселенца – выстроить дом. Потому как это необходимое условие для перехода потом в крестьяне. Они с прошлого года, может, вы слышали, имеют право переехать на материк. Дом, стало быть, нужен из формализма. Как говорят сами поселенцы, для правов... Настоящих жилищ, где можно было бы существовать, на Сахалине почти не строят. А ставят собачью будку, кроют ее корой, в лучшем случае соломой. И показывают надзирателю: вот, мол, гляди. И мучаются в ней потом все шесть, а то и десять лет, пока длится ссылка. Так-то...

Мужчины помолчали. За окном неспешно ползла унылая, скучная лента пустыни. Ни человека, ни кустика... Бисиркин покосился на это безобразие, раскурил новую сигару и продолжил:

– Наконец, отбывши и каторгу, и поселение, наш несчастенький производится в крестьяне из ссыльных. Это предел мечтаний всех сахалинцев. Можно на законных основаниях бежать с острова! Новоиспеченный крестьянин так и поступает. Он имеет право приписаться к сельскому обществу в любом месте Сибири, за исключением Семипалатинской, Акмолинской и Семиреченской областей. Или поселиться в городе и заняться там любым ремеслом. Крестьянин из ссыльных не может только одного: вернуться домой, на родину. Никогда.

– Но вот несколько подобных плывут сейчас с нами на корабле, – возразил Таубе. – Что мешало им навестить родную деревню?

– Навестить можно, – ответил штабс-капитан. – Жить нельзя. По торговым делам бывшие ссыльнокаторжные могут пребывать даже в столицах! На срок до шести месяцев. Но потом обязаны вернуться в Сибирь.

Лыков между тем заказал графинчик водки и подходящую закуску. Пояснил попутчикам:

– Как глянешь за борт – хочется выпить! Тоскливое место.

Троица выпила, крякнула с одинаковым довольством, и Бисиркин продолжил:

– Для чего я это рассказываю? А чтобы подойти к вопросу о побегах, вот...
Бессрочнокаторжных на Сахалине немного, примерно десятая часть от всех. Причем некоторые получили сие отличие, так сказать, уже на месте – за побеги или новое преступление. Но как раз бессрочные дают основной процент побегов. За первый полагается добавочных четыре года. Рецидивисты же получают сто плетей, бессрочную каторгу, приковывание к тачке на три года и содержание в разряде испытуемых на срок двадцать лет. Это фактически смертный приговор...

– Сергей Иванович, я правильно понял, что бегут именно бессрочные? – уточнил Лыков. – А кто ходит и без цепей, и без конвоя, те не нарываються?

– И так, и не так, Алексей Николаич. Попасть в разряд исправляющихся уже большая льгота. Умнее не портить отношений с начальством и держаться этой линии: поселенец – крестьянин – житель материка. Но и из вольной тюрьмы случаются побеги, и даже бывает, что срываются поселенцы. Сдают нервы, и люди с отчаяния уходят в тайгу.

– Поселенцу-то зачем бежать? Ведь поймают – снова кандалы наденут!

– Я же говорю: с отчаяния. Большинству каторжных жизнь на острове не под силу. Переводиться из разряда в разряд, угождать самому последнему негодяю-надзирателю... Терпеть голод и холод... И все это – десятилетиями. Люди словно сходят с ума. Причем сразу многие! Как это у докторов называется?

– Психоз, – подсказал Таубе.

– Вот! Психоз, – повторил штабс-капитан понравившееся ему ученое слово. – Так возникают волнения и стихийные побеги большими группами. Вопреки здравому смыслу и даже чувству самосохранения каторжные толпами уходят в тайгу.

– Хорошо, это мы поняли, – подытожил барон. – Ну а куда они бегут? На юг, к японцам?

– К каким японцам? – удивился Бисиркин.

– Ну, на Японские острова.

– Господь с вами, Виктор Рейнгольдович! Какие еще острова? Бегут всегда на запад, к Татарскому проливу. Оттуда ведь самый короткий путь на материк! Переплыл его каким-то образом – и уже, считай, спасся. Во Владивостоке полно притонов и повсюду бывшие сахалинцы, которые помогут и не выдадут. Например, там есть знаменитая слобода. Это в двух верстах от города, в долине Первой Речки. На карте она называется поселок Подгорный, но в народе – Каторжанка. Пятнадцать лет назад здесь поселили тридцать семейств бывших ссыльнокаторжных. По нарядам от полиции они выполняют тяжелые и грязные работы по всему Владивостоку. Вот где нужно искать беглых! Один большой притон. Кто сумел вырваться с острова, сразу идет в Каторжанку и там прячется.

– А еще куда бегут? – полюбопытствовал Лыков.

– Еще куда? – задумался Бисиркин. – Ну, можно в уссурийскую тайгу. Там ихнего брата, беглого, тоже хватает. Есть и другой маршрут: перейти пролив на севере, где узко, и двигать к Николаевску. Дальше через Софийск и Мариинск на Читу. Забайкальские казаки принимают беглых в зиму. А летом те идут хоть до Петербурга! Вообще, изволите ли знать, на места для побегов устанавливается мода.

– Мода?

– Так точно. Прежде все стремились к Погиби, где самое узкое место в проливе.

– А покажите нам на карте, – потребовал Таубе, доставая складную карту Сахалина.

– Есть! Ну-ка... Вот здесь. Ширина моря – всего семь верст. В тихую погоду за два часа можно пересечь на сеноплавке. А зимой по льду еще сподручнее. Но начальство в конце концов смекнуло, и в устье речки Погиби наладили пост. Беглым осталось два пути: на север отсюда или на юг. Северный путь сложнее. Безлюдная земля! С голоду помрешь... Опять же тут пролегает зимний тракт из Николаевска, и по нему стоят починки. Вот они на карте: Вааз, Ныйде, Ноксы, Тенги и Лангр. Это все селения орочен, куда начальство отправило по несколько

семейств ссыльных. Из числа надежных. Летом они ловят рыбу да ждут зимы. А как встанет в Татарском проливе лед, открывается санный путь из Николаевска-на-Амуре напрямик до Александровского поста. Вместо лошадей бегут собаки. И возят они всю зиму казенную почту, а еще товары. Несколько якутов-промышленников ведут с островом торговлю. Привозят необходимое и меняют на соболиные шкурки. Так что по северу выходит как бы почтовый тракт. Людно, и беглым, стало быть, неудобно.

Потому, когда Погиби закрыли, начали они спускаться южнее. В моду вошел Сартунай. На карте его нет, но это примерно тут. О прошлом годе и на Сартунае поставили кордон. Беглые принуждены идти еще ниже, к устью речки Найры. Вот она.

– Выходит, здесь сейчас главная заводь беглецов? – спросил Лыков, внимательно разглядывая карту.

– Так точно. От селений далеко, места дикие. Но пригодные для пропитания, не как на севере.

Лыков пометил это в записной книге.

– Народ бежит круглый год, – продолжил Сергей Иванович. – Кроме, конечно, переходных месяцев, когда распутица. Кому-то сподручнее зима, чтобы миновать пролив по льду. Это обычно русские. Но большинство бежит летом. На огородах уже есть картошка, а в лесу – ягоды. С голоду, стало быть, не пропадешь. Драпают обычно люди одного племени, потому как в тюрьме все построено на землячествах. Кавказцы когда бегут, среди них нет ни одного русака. А шайки случаются большие, по пятьдесят-шестьдесят человек! Южным народам особенно невмоготу на каторге. Они не могут есть ржаного хлеба, их с него рвет. А одной баландой сыт не будешь. Ну и... Крымчаки с крымчаками, бессарабцы с бессарабцами. Чеченцы самые отчаянные. А самые выносливые – хунхузы. Эти вообще могут питаться лишь кореньями и не теряют силы. Удивительный народ!

– У вас и китайцы есть?

– И немало! За хунхузничество ссылают именно на Сахалин. И не только за это. У нас в Рыковском сидит китайский куль, убивший соотечественника. На спор,

ударом ладони! Вот. На острове, изволите ли знать, четыре кандалных тюрьмы. Из Александровской и Воеводской бегут сразу к Татарскому проливу. Стараются в тот же день связать плот или украсть лодку – и на волю волн. Из Рыковской в последнее время повадились ходить к Охотскому морю. Но там много гиляцких деревень, а в них – опасность для беглых. У гиляков ловля каторжных вроде промысла. Гонят-гонят, пока те не обессилеют и не сдадутся. Тогда их убивают, а реже приводят живьем. Казна одинаково платит три рубля что за живого, что за мертвого. Есть знаменитые охотники за беглыми, которые убили несколько десятков человек. Но если команде повезет и она проскочит устье Тыми незамеченной, то дальше ей некого опасаться. Кроме голодной смерти. Такие удачливые беглецы идут по берегу моря на север, огибают крайнюю точку острова – мыс Елисаветы. А с мыса Марии уже пускаются через Татарский пролив на материк.

– На чем? – удивился надворный советник. – Здесь, вы сами сказали, тундра. Леса нет, плот не свяжешь.

– Так точно, леса нет, только стланик. Однако имеется селение ороченов, называется Ныр. Вот оно... Беглые приходят сюда и отымают лодку. Хозяина убивают.

– За что?

– Нравы такие. Беглые – настоящее несчастье Сахалина, все страшные преступления совершаются ими. Когда в тайгу уходит какой-нибудь значительный душегуб, жизнь вокруг замирает. И сам боишься! Стараешься один не ездить и револьвер держишь наготове. Там такие есть звери...

– Подытожим, – перебил штабс-капитана Лыков. – Из Александровска бегут на запад, из Рыковского на восток, чтобы потом тоже уйти на запад. А из Корсаковского куда бегут? В Японию?

– Далась вам эта Япония! Откуда, простите, вы взяли эту идею?

– Но ведь вот же она! До Мацмая семьдесят верст!

– Это только кажется, что близко. А как бежать? Из самого Корсаковского поста невозможно. Там полно народу, надзор, пристань всегда охраняется. Корабли

якорятся в бухте Лососей, с берегом сообщаются катерами. Все на виду.

- Но вон тут какой хвост, как у рыбы. Залив Анива имеет девяносто верст в поперечнике. Можно сесть на судно в любом месте.

- На какое судно? Иностранческих селений тут нет, лодку взять негде. Пересечь пролив Лаперуза на сеноплавке? Самоубийство. Сильные течения унесут в открытое море. Туманы, штормы, рифы... Большие корабли то и дело тонут, а уж скорлупы!

- Но в Корсаковском округе тоже есть западное и восточное побережья. Почему из Александровского и Тымовского бегут, а отсюда нет?

Бисиркин терпеливо пояснил, тыча пальцем в карту:

- Берега другие. На всем западном краю жизнь есть лишь в Мауке. Вот она. Четыреста верст ниже Дуэ. Здесь владивостокский купец Семенов завел промысел по добыче морской капусты. Возит ее в Китай сотнями тысяч пудов. Работают до семисот человек: манзы[20 - Манзы - китайцы.], корейцы, айны, теперь и русские.

- А японцы есть?

- Нет. Так вот. Управляющий у них - шотландский подданный Демби, строгий человек. Сын купца, Семенов, там же живет весь сезон. И пост военный. Оттуда убежать не дадут. Все остальное побережье гористое, к берегу не спуститься.

- Но я вижу на карте какую-то деревню Такомбо...

- Есть Такомбо. Живут там орочены, несколько семейств. Если даже отобрать у них лодку, как пересечь на ней Татарский пролив? Это в Погиби его ширина - семь верст. А тут чуть не сто! Утонут...

- Но вот еще селение, Мануэ, с восточной стороны.

- Есть Мануэ. Однако в нем военный пост. Здесь самое узкое место острова, так называемый Поясок. Потому и караулят, чтобы не шлялись...

– А подняться с юга на север, где пролив сужается, и там перебраться?

– Да вы что, Алексей Николаевич! – всплеснул руками штабс-капитан. – Триста верст по тайге! Верная смерть!

– Но я ходил по тайге, и ничего, выжил.

– По какой, по сахалинской?

– По забайкальской.

Бисиркин рассмеялся.

– Ну вы сравнили! Там рай земной, а не тайга. Мне ли не знать – весь Уссурийский край истоптал. На Сахалине тайга другая, много хуже. Болота да гари. Всюду поваленные деревья – замучишься перелезть. Ориентироваться невозможно – кругом трава в полторы сажени высотой. Ничего не видать! Шагу ступить нельзя без особенных усилий. Или в болото провалишься, или в буреломе застрянешь. А хуже всего чертов бамбук! Сильный, отдохнувший, накормленный человек проходит в день самое большее восемь верст. Восемь! А как пройти триста? Беглому, слабому, у которого только сухари... Через день он устанет и осилит еще меньше. Потом еще... После двадцатой версты каторжник сам не рад, что сунулся в тайгу. Большинство возвращается и сдается, меньшинство остается и погибает. Запомните, господа: не море останавливает отчаянные головы на Сахалине, а именно тайга!

– Хорошо! С запада уплыть нельзя. – Лыков ткнул пальцем в восточное побережье своего округа: – А отсюда?

– Отсюда? Хм... А на чем? Гиляцкую лодку угнать можно, не спору. А дальше что? Охотское море сожрет ее мигом. Залив Терпения продувается насквозь. Очень сильная волна! Дойти отсюда до материка можно лишь на рыбацкой шхуне. Например, японцы ловят тут сельдь, а во время нереста и периодическую рыбу.

– Вот! – обрадовался Лыков. – К ним наши беглые и попросятся!

– А чем они заплатят за услугу? – парировал штабс-капитан. – Грязными обносками да сухарями? У беглых других капиталов нет. А японцев сейчас заставляют платить пошлину за рыбные ловли. Если власти поймают их с беглыми на борту, и патент отберут, и пошлину не вернут. Зачем косоглазым такие приключения?

– По вашему выходит, что из Корсаковского округа бежать невозможно?

– Эх, Алексей Николаевич! Место вам досталось, по правде сказать, самое лучшее. Главное – климат мягкий, виноград даже растет. Оттуда действительно бегут в разы меньше, чем из Тымовского или Александровского. Сахалинский Крым! Корсаковский округ, извольте ли знать, – это государство в государстве. Вы там будете что султан.

– Почему же?

– А вот взгляните опять на карту. Видите? Два срединных округа связывает накатанная дорога. Находятся они бок о бок. Начальник острова при желании всегда может приехать в Рыковское меньше чем за сутки. Поэтому тамошний окружной господин Бутаков всего лишь визирь. Он на виду. А до вас даже телеграф еще не провели! Юг острова отделен от середины непроходимой тайгой и горами. Сообщение возможно только летом, по морю. Зимой округ отрезан от всех. В Корсаковском лазарете, я знаю, нет операционной, больных возят в Александровск. Если кто заболел зимой – ждет весны. Если дождется...

– Неужели даже телеграфа нет? Вот нарисована вроде бы просека.

– То-то, что нарисована. Ее рубят с двух концов. Через год-полтора закончат. А пока... Пока там медведи гуляют! Тамошний народ считается на отшибе. Я служу в Тымовской военной команде и исходил оба наших округа вдоль и поперек. А у вас в Корсаковске был один раз, несколько часов. Заплыл на клипере «Вестник». Вот так...

– Спасибо, Сергей Иванович, за подробные разъяснения, – не лукавя, поблагодарил Лыков. – Вы уж извините, что мы с подполковником так засыпали вас вопросами. Просто нам надо знать, к чему готовиться.

– Да я понимаю. И охотно подскажу. Но много ли сам-то знаю? Совсем ведь осахалинился. Заурядный штабс; живу, можно сказать, в лесу... Ешь, спишь да караулы проверяешь. Люди, бывает, и свихиваются, а чаще спиваются. Извините, ежели не сумел что разъяснить!

– Последний вопрос, и опять про Японию... будь она неладна. Никак я не могу поверить, что у Корсаковска нет с нею никаких связей. Такая близость их подразумевает!

– Связи-то есть! – с жаром подхватил Бисиркин. – Как не быть? В бухте завсегда стоят ихние рыбацкие лодки. А по берегу раскиданы концессии и морские промыслы. На мысе Айрон, знаю, есть одна. А в заливе Анива чуть не три! Близ Корсаковского поста помещается японский консул. Связи есть!

– Почему же тогда вы уверены, что беглые каторжники из моего округа никак не могут перебраться в Японию?

Штабс-капитан смешался:

– Извините, коли что не так... опять же, сам-то я был там один раз проездом...

– Сергей Иванович. Я ведь понять хочу. Почему это считается невозможным? А вы опытный человек, наблюдательный, бывалый. Кому, как не вам, объяснить? Не тюремщика же Фомина мне спрашивать!

Бисиркин, услышав про себя такое, несколько успокоился.

– Это самое... как вам сказать? Полагаю, нет оттуда никаких побегов. Первым делом, для чего японцам их вывозить, каторжных наших? Только ради заработка. Так? А какие от них заработки? Это одно. А второе: где эти беглые с рыбаками должны встретиться? Шхуны ловят селедку в заливе Терпения, каждая на своем участке. А на отдыхе стоят в бухте Лососей, ввиду Корсаковска. Ни там, ни там беглых не посадят. В бухте помешают свидетели, коих слишком много. А в заливе – прибой, который не даст принять лодку с берега. Нет, не вижу такой возможности.

– А на промыслах?

– Туда сначала нужно попасть. По суше трудно, поскольку округ ваш густо заселен, везде глаза и уши. Поселенцы, надзиратели – кто-нибудь да проболтается. По морю же еще труднее. Но даже пусть! пусть ваши беглые добрались до промыслов. Но там же сотни людей! Помимо японцев, есть корейцы и китайцы. Хоть режьте меня, но в тайне такое не сохранить. Давно уже пошли бы разговоры. Ведь побег на первом плане у властей, любой слух был бы сто раз проверен. Но слухов нет. Ну как еще доказать? Не делают побег на глазах у толпы!

– Значит, исключено совершенно?

Штабс-капитан задумался.

– Слышал я одну историю... Не знаю только, правда или нет.

– Ну-ка, ну-ка!

– Доктор наш рассказывал. В том году кончился в околотке перевязочный материал. А может, разворовали... И отправился он, доктор-то, в Нагазаки[21 - Бисиркин использует несколько устаревшее к тому времени русское название города.]. Там, изволите ли знать, зимуют суда нашей Тихоокеанской эскадры. И поэтому в городе много всего рассчитано на русский кошелек. В том числе обнаружил доктор ресторан: с русским названием, с русской кухней, даже список блюд на нашем языке. Прельстился, конечно, и зашел. Да-с... Ухи там съел из стерлядей, честное слово! Где только достают?

– Сергей Иванович...

– Есть! Уже близко. Обедая, доктор вдруг увидел, как по залу быстро прошел Переверзев. Это известный был в Рыковском человек, личный повар начальника округа. Прислан к нам за убийство, а до того служил в трактире Ермолаева в Москве. Мастак! Я несколько раз, будучи приглашен к господину Бутакову, достаивался... Мастак. И вдруг пропал. Сбежал. А обнаружился в Нагазаки!

– Очень интересно! – воскликнул Лыков. – А ваш доктор не пробовал с ним заговорить?

– Пробовал, да Переверзев, узнав его, тут же сбежал. А на другой день, моряки сказывали, его мертвого нашли.

«Моя дорогая ненаглядная женушка! Целую тебя нежно-нежно во все любимые места, особливо в чудные серые глаза твои, и в губки тоже. Мы плывем с бароном Витькой и постоянно говорим о вас, наших супружницах. А еще так вышло, что вы обе разом в таком положении. Береги себя, будто зеницу ока! Ты часто навещаешь Лидию? У нее срок больше, и лучше ты ездь к ней, нежели она к тебе. Кроме того, Виктор живет одним жалованьем, это мы с тобою богачи. Его жене тратиться лишний раз на извозчика, быть может, тяжело. Извини, что напоминаю тебе такие банальности, но женщины, выросшие в достатке (это я о тебе!), часто не замечают подобных будто бы мелочей. Вот. Сделал тебе начальственное наставление, и стало легче. А ты меня слушайся!

На пароходе все жарче и жарче. Мичман Бирингтон говорит, что это еще цветочки, а ягодки появятся в Индии да на Цейлоне. Не очень даже и верится, что я, простой волжский обалдуй, доберусь до этих мест. «Не счесть алмазов в каменных пещерах!» Подумываю прикупить там рубинов с изумрудами и обсыпать тебя ими по возвращении с головы до ног. Боюсь только, что сопрут у меня их на Сахалине. Там целый остров таких специалистов, что подушку из-под головы уведут, а ты и не проснешься. Лучше, наверное, на обратном пути.

Знала бы ты, как тяжело плыть туда, отдаляться от тебя, от деток. Помнишь, я уезжал в Варшаву на полгода, а вернулся много через месяц? Сейчас такому счастью не быть. Путь в один конец занимает примерно пятьдесят дней. Даже если я сразу же сяду на обратный пароход, все равно четыре месяца разлуки. А надо еще послужить.

Я здесь со всеми уже познакомился. Маленький мирок и долгий путь, совсем не то, что в поезде. Корабль – как остров, только самоходный. Капитан – владыка, а мы – его подданные. Но делать нам ничего не полагается, вот и маемся от безделья. Я взял с собой, если помнишь, «Фрегат «Паллада» Гончарова. Уже до середины дочитал! Видела ли ты раньше, чтобы твой муж-тугодум так быстро шел по книге? Но что еще здесь делать? Чистой публики мало, приударить даже не за кем. Тут шутка! Мы с бароном держимся особняком и никого, кроме своих жен, не любим.

В буфете и на прогулках бесконечная и скушная болтовня. Давеча целый день проговорили о кронпринце Рудольфе и баронессе фон Вечера и об их загадочной смерти. Видимо, эта тайна долго будет волновать умы обывателей. А сегодня старший помощник капитана лейтенант Степура зачитывал нам из новой японской конституции. В ней черным по белому написано, что микадо, ихний император, имеет божественный статус. Поскольку является прямым потомком богини солнца Аматаэрасу. Представляешь?

С нами возвращаются из отпуска с десятков военных и чиновников. Люди разные, есть симпатичные, есть не очень. Один такой, Карп Иванович Ф. – помощник смотрителя Рыковской тюрьмы. Он посвящает нас в детали сахалинской жизни. Скорбное место! Сами поговорки каторжных уже говорят об этом. «Кругом море, а в середине горе», «Кругом вода, а в середине беда». Карп Иванович очень любит считать деньги, чаще свои, но иногда и чужие. Он сообщил, что мой оклад жалованья, как начальника округа, составит три тысячи пятьсот рублей! Вот это да. В России не дают надворным советникам такие оклады. Каждые пять лет прибавка на четверть, а через десять лет уже и пенсия. Если мы, не дай Бог, разоримся, поеду служить на Сахалин. Отбуду свою десятку, и мы поселимся в милом Варнавине, в нашем доме. Я стану в войлочных котах и меховой безрукавке читать «Губернские ведомости» и важно прохаживаться под руку с тобой по базару. И все с нами здороваются... Мы будем наблюдать, как растут наши детки, и ждать потихонечку внуков. Хорошо бы ты родила девочку, чтобы была тебе помощница. Ну да кого Бог пошлет, то и хорошо.

Как поживает Кусако-Царапкин? Не обижают ли его два абрека? Корми его почаще. Не забудь на Петра и Павла съездить на кладбище и положить цветы Павлу Афанасьевичу. Он любил розы.

Ф. сказал вчера нам с Виктором: мы там все осахалинились, и вы никуда не денетесь, станете как мы. Очень мне этого не хочется. Авось не успею! Но ты, ежели что такое заметишь, говори мне сразу, ладно?

Барон Витька ходит, как полагается по уставу за границей, в статском платье. Но в Одессе-то он был в мундире со свитскими вензелями и аксельбантом. И все уже знают, что на каторгу плывет целый флигель-адъютант. Там таких ярких фазанов никогда не было. Я помалкиваю о своем камер-юнкерстве и снял с петлицы георгиевскую ленту. Представляю, какой на острове будет переполох, когда явятся сразу два шалаберника – один с придворным званием, второй со свитским!

Теперь останавливаюсь. В Адене станут собирать письма со всех, включая и арестантов. Если что срочное, высылай каблограмму[22 - Каблограмма – телеграмма, посланная по подводному кабелю.] на Цейлон. Мы придем туда через двадцать дней.

До встречи, маленькая хитрая лисичка, любимый мой зверок! Еще раз всю тебя перецеловываю, а следом немедленно обоих головорезов. Как они себя ведут? Кто кого колотит – Николка Павлуку или Павлука Николку? Первый крепче, а второй нахальней, что в драке поважнее даже силы.

Целую 100 000 (сто тысяч) раз.

Твой надворный советник».

Глава 4

По морям-океанам

Сто пятьдесят верст Суэцкого канала «Петербург» прошел за семнадцать часов. Пассажиры облегченно вздохнули, но поторопились – началось Красное море. Оно походило на огромную жаровню, и все живое опять попряталось до сумерек. Три дня тюремный пароход плыл по раскаленной кишке. Наконец показался Бабель-Мандебский пролив. Таубе ткнул пальцем в серую точку по левому борту.

– Глянь, деревенщина! Это остров Перим.

Лыков всмотрелся: унылый клочок суши. Такой же безрадостный, как все вокруг.

– И чего я должен на него пялиться?

– Перим – стратегический остров, он запирает вход и выход из пролива. Англичане очень любят захватывать такие места. Гибралтар, Сингапур, Кейптаун, Мальвинские Фолклендские острова... А тут почему-то проглядели. И вот несколько лет назад в Аден зашел французский крейсер. Делая визит

губернатору, их адмирал упомянул мельком, что идет поднимать на Периме французский флаг. Англичанин идею одобрил и пригласил всех офицеров корабля вечером к себе на банкет. Галлы охотно угостились на счет королевы. А когда на другой день прибыли к острову, там уже развлекался Юнион Джек! Оказалось, пока ребята пили, губернатор снарядил ночью к Периму паровой катер. Вот как надо прибирать бесхозные вещи!

Наконец «Петербург» бросил якорь ввиду Адена. Бухта у подножья уродливой скалы была мелководная, и до суши приходилось добираться на лодках. Такие лодки с аборигенами на веслах тут же облепили пароход. Таубе через борт быстро сговорился с хозяином посудины. Трое русских уселись, и лодка поплыла к берегу. Вдруг на середине пути гребцы подняли весла, а старший стал что-то требовать от барона. Тот резко ответил, завязалась перебранка. Арабов было шестеро, все плечистые ребята с разбойничьими рожами. Посудина стояла на полпути между кораблем и берегом и не трогалась с места.

– Витя, что случилось?

– Этот шильник, отплыв, решил повысить цену! Старый поганый трюк. Сейчас он получит тростью по башке!

– Побереги трость! Я сам разберусь.

Лыков взял старшего за бороду и молча выкинул за борт. Остальные пятеро закричали и полезли драться. Лучше бы они этого не делали... Алексей безжалостно отлупил всех. Потом оставил в лодке двоих, чтобы гребли, а прочих отправил купаться.

Аден оказался паршивым городишком, выжженным, грязным и расхристанным. Торговцы и верблюды, верблюды и торговцы...

– Вить, а где же англичане? Это вроде бы их протекторат? А цивилизующего влияния что-то не видать.

– Эх, Лыков. Подожди до Индии, там насмотришься. В Адене британцев интересует только порт. В другие дела они не суются, потому городом правят местные вожди.

- Местные? М-да... А... нам не начистят холку, что мы тутошних ребят побили?

- Струхнул?

- Есть немного. Вдруг это тоже были чьи-то вожди? Хотя сами виноваты, что некрасиво поступили.

- Не бойся. Здесь белому человеку и не такое простят. Когда поплывем обратно, сядем в ту же лодку. Увидишь - «вожди» будут как шелковые!

Барон не ошибся. Алексей купил дешевого сомнительного серебра, и они вернулись на пароход. Гребцы были услужливы и раболепны.

В Адене с «Петербурга» свезли на берег два мешка писем. Арестантам еще в Красном море раздали бумагу и карандаши. Бисиркин подтвердил рассказ мичмана Бирингтона, что пишут в трюме обычно всякую дрянь. Опытные обратники[23 - Обратники - беглые, возвращенные на каторгу.] подзуживают новичков сочинять небылицы для оставшейся в деревне семьи. Что жизнь на Сахалине слаще сахара, не хватает только жены с детишками. Доверчивые бабы, получив такое письмо, придут на остров осенним сплавом - к закрытию навигации. И уже там узнают всю правду. Что довольствие на них не предусмотрено, а муж выучился в тюрьме играть в карты... Это повторяется из года в год, и ничего поделать тут нельзя.

Лыков и Таубе сдали мичману Бирингтону свои письма. Штабс-капитан Бисиркин, смущаясь, тоже присоединил конверт.

- В Петергоф. Там, при госпитале, есть одна... Пусть!

«Петербург» взял курс на Индостан. Берега теперь не было видно, и Лыков начал потихоньку паниковать. Выяснилось, что он не моряк! Близость суши была необходима сыщику, поскольку успокаивала. А тут... Правда, им часто попадались другие пароходы. Ночью гудок кричал, не переставая. Движение между Западом и Востоком оказалось весьма оживленным. Однажды утром под бортом плавучей тюрьмы прошла парусно-весельная лодка. Гребцы на ней были закованы в цепи - совсем как у них в трюме! Алексею почудилось, что он попал в восточную сказку. Но люди, гребущие из последних сил, были настоящими рабами - здесь, сейчас, в конце девятнадцатого века... Один, весь седой, с

жилистым обнаженным торсом, долго смотрел на зеваку с парохода. Словно хотел что-то сказать...

Плавание уже приелось, у пассажиров выработались привычки. Лыков впервые в жизни выучился спать после обеда. А что еще делать? Роман Гончарова быстро подходил к концу. На судне была библиотека, главным образом из «толстых» журналов. Сыщик берег ее на тот случай, когда путешествие окончательно надоест. Да и не больно какой он был книгочей...

Барон Таубе не скучал. Он все время что-то писал, сосредоточенно думал, разбирал специальную военную литературу на четырех языках. И дважды в день занимался необычными физическими упражнениями. Делал он это в каюте с закрытыми шторами, чтобы не пугать людей. Лыков, сам любитель подраться, сначала наблюдал за товарищем. Потом стал задавать вопросы. Виктор объяснил, что много лет изучает системы борьбы различных народов. И показал некоторые навыки, да так, что едва не поломал судовую мебель. Алексей считал себя опытным бойцом. Он изучал английский бокс, занимался греко-римской борьбой, но более всего ценил артикулы русского кулачного боя. Виктор разнес «опытного бойца» в пух и прах. Лыков оказался не готов: противник применял захваты ног и даже пинался! Такое бывало с сыщиком в настоящих схватках, но драться ногами тоже надо уметь. Барон дал урок французского бокса, выросшего из савата; показал и каном – фехтование на тростях. Далее пошли армянская национальная борьба кох и татарская – гюлеш. Но выше всего подполковник ставил приемы грузинской борьбы чидоаба, самой сложной и разнообразной. Алексей на Кавказе видел две-три дружеские схватки между любителями и не впечатлился. Но арсенал древнего единоборства оказался обширным: подножки, захваты, болевые приемы, удары руками и ногами. Сейчас барон изучал японскую систему юйтсу, или, иначе, жиу-житсу, и тоже очень ее хвалил. В итоге после сиесты он тумачами поднимал приятеля с дивана и заставлял принимать боевую стойку.

– Вставай, лежебока! – кричал Виктор. – Совсем кабаном сделаешься. Придется тебя на Сахалине лебедкой выгружать. Что я Варваре Александровне скажу?

– Скажешь: недоглядел, – отмахивался Лыков, но очень быстро его сбрасывали с дивана на пол. Полчаса приятели «растрясали жиры». Алексей время от времени пробовал угостить соперника хорошим лещом, но ни разу не попал. Уморившись, они шли в буфет пить холодное пиво. Потом гуляли по палубе с Бисиркиным. А на стоянках втроем шлялись по диковинным заморским городам. Оказалось, что

барон был везде, да не по одному разу. Он давал своим спутникам пояснения, выступал переводчиком, менял рубли на фунты... Штабс-капитан и надворный советник смотрели на все раскрыв рты. Они сначала накупили «на память» всякой ненужной дребедени. Потом Бисиркин опомнился и перестал бросаться деньгами, а Лыков продолжал. Кораллы и большие раковины, персидский ковер, серебряные чаши, чучело крокодила и даже зачем-то кальян загромождали каюту. Наконец барон отобрал у друга бумажник и расплачивался из него сам. Скупка барахла прекратилась.

Алексей постоянно помнил, что внизу, в трюме, плывет Буффаленок. Но все на «Петербурге» было устроено так, чтобы привилегированные пассажиры не пересекались с арестантами. Последние гуляли лишь по трюмной палубе со стороны кормы. Караул не пускал туда чистую публику. Лыков ходил кругами и выяснил, что через вентиляционные трубы доносятся разговоры каторжных. Много часов он болтался возле них, надеясь услышать голос Федора. Но ни разу это ему не удалось. Между тем судовой доктор рассказал, что среди каторжных очень распространилась тропическая сыпь. А еще заплесневели судовые галеты, и трюмным жителям не хватает хлеба...

По выходе из Адена лейтенант Степура-Сердюков распорядился на полдня запереть провинившегося арестанта в «маяк». Это был своего рода чулан из меди, в котором помещался бортовой сигнальный огонь. Внутри него едва мог стоять человек. На жаре медь раскалилась, и наказание стало пыткой... Лыков и Таубе попробовали заступиться за несчастного, но старший помощник велел им не соваться не в свое дело. Губернский секретарь Фомин поддержал лейтенанта:

– Эх, господа командированные... С этими канальями иначе-то и нельзя! Анафемское семя – только плеть понимают! Ну ничего. Поживете меж нас месяц-другой и тоже научитесь.

Лейтенант, конечно, был прав. Когда на борту сотни убийц, грабителей и насильников, строгость необходима. Иначе будет хуже... Но все равно, сидя в тени, в лонгшезе, под свежим ветерком, Лыков ощущал себя очень неудобно. Выручила госпожа Фролова. Почтенная матрона о чем-то пошептала со Степурой, и несчастного вернули из «маяка» в трюм. Видимо, добрая женщина умела убеждать людей такого сорта...

На стоянках и со встречных пароходов «Петербург» забирал телеграммы новостных агентств. За ужином их зачитывали пассажирам. Корреспонденты много писали о Всемирной выставке в Париже, о необыкновенной башне инженера Эйфеля. Таубе в каюте анализировал другие новости.

– Смотри, Лешка! Сообщают, что в Берлине идут секретные переговоры между Германией, Британией и Америкой. Делят Соломоновы острова. Лезет, лезет Василий Федорович[24 - Василий Федорович – прозвище кайзера Вильгельма II Фридриха в России.] в Океанию! Вовремя мы ему Буффаленка подсовываем.

На шестые сутки после выхода из Адена «Петербург» бросил якорь на рейде Коломбо. Капитан объявил, что стоянка будет долгой. Требовалось не только бункероваться углем и водой, но и перебрать один из цилиндров судовой машины. Обрадованный Бирингтон сразу же сбежал с корабля на слоновью охоту. Звал и офицеров с Лыковым, но те отказались. Алексей устал от океана. Он уговорил своих попутчиков съехать на берег и поселиться в гостинице. Как ему там сделалось хорошо! Таубе и Бисиркин согласились с тем условием, что богач Лыков оплачивает их проживание. Утром троица отправилась за покупками, и быстро выяснилось, во что они вляпались.

Толпа негоциантов ожидала туристов прямо на выходе. Сразу же стали предлагать всякую дрянь; русские отмахивались. По единственной дороге так и шли гурьбой, пополняясь в пути новыми членами. На рыночную площадь пришло уже полтора человека! Там обнаружилась длинная анфилада лавок, в каждой из которых торговали драгоценными камнями. Путешественники стали заходить в них, и всюду происходило одно и то же. Хозяин высыпал на блюдце горсть рубинов, изумрудов и сапфиров, а рядом клал пачку засаленных фотографий. Таубе объяснил другу, что это «знатные покупатели» – английские губернаторы, лорды или члены Палаты общин, будто бы сделавшие в этой лавке приобретения. У всех торговцев в «знатных покупателях» значились одни и те же рожи... Цену сразу задирали невероятную и вообще вели себя как мошенники, пытались надуть где только можно. Лыкову это быстро надоело, захотелось обратно на корабль. Подальше от цейлонских пройдох! Но еще больше хотелось порадовать Вареньку. Выручил тот же барон. Пошептавшись с Алексеем, он увел всю ораву канючащих торговцев за собой. Элегантный и представительный, Таубе построил мошенников в колонну, возглавил ее и двинулся в обход по анфиладе. В тишине опустевшей лавки Алексей вынул горсть золота. Глаза хозяина вспыхнули адским огнем. По-французски сыщик заявил, что уменьшает цену за товар в десять раз. И тогда возьмет его.

Цейлонец покосился на дверь, прижал палец к губам – и согласился. Надворный советник купил три рубина и три изумруда, для двух наборов из серег и перстня. Крупные камни даже без огранки смотрелись дивно. Отдав четыреста рублей, Лыков вышел на улицу. Впереди, как предводитель народного бунта, важно шествовал барон Таубе. Рядом семеня несуразный Бисиркин. Далее, расширяясь к концу, брела целая колонна торговых людей. Эпическая картина! Виктор вел свору с видом человека, который вот-вот купит весь остров с потрохами. Осталось только примериться... Налюбовавшись, сыщик сунул два пальца в рот и свистнул. Колонна разом остановилась и обернулась, как один человек.

– Айда на корабль!

Разочарованные негодяи хором заверещали, и под этот вой русские, чуть не бегом, вернулись на «Петербург». Сходить на берег уже никому не хотелось. Даже багаж, брошенный в гостинице, забрали матросы. Три дня Лыков гулял по палубе, не рискуя больше посещать Изумрудный остров. А торговцы дежурили у пирса в больших силах.

На палубе было скучно, зато безопасно. Мягкие горы, заросшие тропическими джунглями, ласкали взор. Из леса доносились крики диких животных. Тут и там из-за пальм высывались орудия британских береговых батарей. Под бортом парохода плавали мальчишки, ныряя за брошенными сверху монетками. Иногда невдалеке от них появлялся акулий плавник. Вечером на второй день одному из маленьких ныряльщиков акула откусила ногу... Госпожа Фомина тут же организовала среди пассажиров сбор пособия несчастному. Утром мальчишки, как ни в чем не бывало опять плавали под бортом.

Лейтенант Степура-Сердюков предложил путешественникам навестить знаменитого Ораби-пашу. Этот храбрый человек возглавил в 1882 году Египет после бегства из страны хедифа. Воевал с англичанами, был разбит, взят в плен и приговорен к смертной казни. Казнь заменили пожизненной ссылкой на Цейлон. Оказалось, к мятежному генералу свободно допускают всех желающих. Но Сергей Иванович, обычно идущий на поводу у попутчиков, вдруг заявил:

– Вот еще! Я на Сахалине посмотрю на арестантов всласть!

Таубе с Лыковым рассмеялись и тоже не пошли навещать Ораби-пашу.

Бисиркин купил для нужд своей роты целый тюк чая. Сыщик и разведчик вняли примеру и также запаслись этим важным для русского человека продуктом.

Наконец машину перебрали, а с охоты вернулся Бирингтон. Мичман привез шкуру бенгальского тигра. Он утверждал, что собственноручно застрелил зверя. Недоверчивый Таубе обследовал трофей и обнаружил в нем сразу три дыры, причем разного калибра. Бирингтон, не смущаясь, заявил: стреляли все, но именно его пуля оказалась смертельной. Тогда барон потерял шкуру, и из нее полезли волосы.

– Да она прошлогодняя! Мичман, как так? Вам что, свежую не смогли продать?

Бедняга убежал с трофеем в каюту и до вечера не показывался...

Первого мая «Петербург» покинул Коломбо и в Преполовение заякорился напротив Калькутты. Здесь, перегрузивши мануфактуру на два баркаса, сошли торговцы во главе с «Мирзой Мехди» – подъесаулом Ливкиным. Взамен на борт поднялись два голландца – торговцы оловом.

Начало восьмидневного Преполовения отметили крестным ходом по палубе от кормы к носу. Судовой священник отец Фома провел освящение воды, в том числе окропил и Индийский океан... Теперь у плавучей тюрьмы остались только две зарубежные стоянки: Сингапур и Нагасаки.

Возобновилось скучное плавание. Пекло достигло предела, термометр показывал сорок градусов по Цельсию. Очень угнетала духота: зимние муссоны прекратились, а летние еще не начались. Каторжные партиями поднимались на трюмную палубу для мытья и стирки. Когда туда выводили женщин, сбегались все свободные от вахты матросы. В шесть часов пополудни быстро темнело, и делалось прохладнее. Привилегированные пассажиры выбирались из своих душных нор на прогулку. Есть не было сил даже у арестантов, и нетронутые порции с руганью выбрасывались за борт. Каким-то чудесным образом в трюм попала водка. (Хотя чего тут чудесного? Ясно, что буфетчики наживались.) Пожилой каторжный, сосланный за убийство, обпился ею. Сердце на жару не

выдержало. Бедолагу зашили в парусину и бросили в море напротив Андамандских островов.

Наконец, измученные зноем, пришли в Сингапур. На этот раз забарахлил второй цилиндр машины, да и трюмная команда нуждалась в отдыхе. Судовой доктор сообщил, что из арестантов все здоровы, а вот кочегары и караул поставили лазарету семь человек... В итоге простояли у причальной стенки неделю. Из телеграмм Лыков узнал о смерти 7 мая графа Дмитрия Андреевича Толстого. Министерством внутренних дел с 23 апреля управлял Иван Николаевич Дурново. Это был свой человек в МВД: с восемьдесят второго по восемьдесят шестой год он служил товарищем министра и тащил все текущие дела. Граф занимался лишь представительством да разработкой положения о земских начальниках (поскольку этим интересовался государь). Затем Иван Николаевич ушел начальствовать над учреждениями императрицы Марии, а текучку взял на себя Плева. И вот «большой» Дурново вернулся. Человек порядочный и добрый, хотя и несколько поверхностный, он должен быстро войти в дела. Тяжелую телегу продолжит тащить трудолюбивый и даровитый Плева. Для «маленького» Дурново и Лыкова это хорошая новость: потрясений в министерстве не будет.

Сингапур – единственный порт, где «Петербург» смог пришвартоваться прямо к причалу. Таубе, больше Лыкова посвященный во внешнюю политику, сказал:

– Вот он, «азиатский Гибралтар»! И здесь британцы захватили «бутылочное горлышко». И здесь они ведут себя как капризный швейцар: могут впустить, а могут и послать подальше.

Друзья стояли на шкафуте верхней палубы и глядели на город. Подполковник был раздражен.

– Базируясь тут, англичане контролируют и Малаккский, и Зондский проливы. Как турки закупорили наш Черноморский флот, так эти ребята могут отсечь нашу Тихоокеанскую эскадру. Мировой океан для королевы Виктории – лишь домашний огород. Угольные станции почти все английские. Случись что, где нам взять уголь?

– У французов. Они вроде бы набиваются нам в союзники?

– Да. Но против британцев галлы слабоваты. И «бутылочные горлышки» все у Виктории. Вот хоть бы это. Ты представляешь значение города, что перед тобой? Складочное место, главная перевалочная база между Азией и Европой. Почти двести тысяч населения. Восемьдесят процентов мировой добычи олова и каучука проходят через Сингапур. Британцам показалось мало города, и они хапнули весь остров. Потом им стало мало и острова! Состряпали целую новую колонию Стрейтс-Сеттльментс, Проливные поселения. И распространили ее вдоль этого самого пролива. Купили у султанов за гривенник острова Пинанг и Лабуан, а еще город Малакка со всей прилегающей территорией. Теперь их отсюда мышьяком не выведешь...

Сплоченная троица отправилась смотреть город. Он находится всего в одном градусе севернее экватора, поэтому все надели пробковые шлемы с назатыльниками (их выдавали на корабле). Роль экипажей в Сингапуре почему-то выполняют тяжелые «линейки», запряженные шестеркой волов. Ездить на них неудобно, скотина еле тащится. Город делится на европейскую и китайскую части. Китайский квартал неприятно поразил Алексея. Каждый второй дом в нем – опиумная курительня. Даже в воздухе постоянно ощущался сладковатый запах этой отравы. Картина безграничного разврата в грязи и мерзости... Голые восьмилетние девочки, совсем еще дети, сидели на коленях у прокаженных и предлагали себя всем желающим. Прямо посреди улицы лежали обкурившиеся, потерявшие человеческое достоинство люди – целые семьи, включая женщин и младенцев. Все продавалось за тестообразный комочек коричневого цвета...

В двухстах саженях от этого ужаса расположился английский сеттльмент. Всюду виднелись стриженные лужайки и корты для лаун-тенниса. На каждом углу стоял полицейский-сикх в красном тюрбане. Благопристойные дамы и господа во всем белом пили под зонтиками прохладительные напитки. Особняком сидели германские коммивояжеры. Шумные и чванливые, они налегали на пиво. Попадались французы и голландцы. Последние приезжали из соседней Голландской Индии[25 - Ныне архипелаг Риоу.] и интересовались только оловом.

Таубе купил ящик «манил», Лыков тоже запасся – потчевать гостей. Бисиркин, как всегда, экономил и ничего не приобретал. Простояв в «азиатском Гибралтаре» три дня, арестантский пароход направился к берегам Японии. В проливе Баши, на траверзе Формозы, он впервые за все плавание угодил в настоящий шторм. Бортовая качка сменилась килевой, и пассажиры поголовно слегли. Бисиркин, весь зеленый, не отходил от помойного ведра. Таубе с Лыковым гуляли по палубе вдвоем. Бывалому подполковнику все было нипочем.

Алексей, к своему удивлению, тоже оказался не подвержен морской болезни. Но ему не хотелось думать, что сейчас творится в трюме... Когда шторм прекратился, в море захоронили еще троих арестантов.

Наконец 18 мая, на тридцать шестой день пути, с «Петербурга» увидели Нагасаки. Было Вознесенье Господне, большой праздник. Капитан маневрировал почти сутки, чтобы войти в бухту в будний день. Лейтенант Степура объяснил пассажирам:

- Нужно немного обождать. Нехорошо в праздник причаливать.

- Это отчего же? – поинтересовались православные.

- Да там, как бросишь якорь, сразу подплывают фунэ, а в них – юдзё.

- Что такое фунэ? – спросила дочка Фомина.

- Это японские лодки.

- А юдзё?

- Вот это слово вам, барышня, знать еще рано! – отрезал лейтенант. Девушка покраснела и бегом удалилась в каюту.

Праздник отметили, а на другое утро пароход проник в бухту. Горловина ее была всего в двести саженей, но за ней открылась большая красивая акватория. Два длинных мыса широкой дугой охватывали значительное пространство. Бухта длинным рукавом вытянулась с запада на восток. Цепь невысоких гор поросла лесом, из которого живописно выглядывали крыши домов и храмов. В центре, под самой высокой горой, расположился город. В обе стороны от него расходились поселки. Бросался в глаза искусственный остров Дэдзима, старая голландская фактория. Помимо главной бухты обнаружилось еще несколько небольших заливчиков, забитых рыбацкими кунгасами и легкими сампанами. Слева возвышался сухой док, возле него дымил какой-то завод. В акваторию набилось полсотни кораблей всех типов. Они стояли на якорных банках, между ними и берегом сновали взад-вперед юркие баркасы. Вид в целом был красивый и даже величественный.

Едва «Петербург» бросил якорь, к нему со всех сторон ринулись сампаны. Они сгрудились с обоих бортов, и по веревочным лестницам на палубу шустро полезли японцы и японки. Скоро стол в каюте Лыкова и Таубе оказался завален экзотическими предметами. Тут были складные вееры, лаковые шкатулки, старинные монеты с дырками, фарфоровые вазы и детали самурайского доспеха. Все стоило очень дорого и выглядело ярко, но аляповато. Алексей позвал на подмогу опытного Бирингтона. Мичман выгнал всех торговцев, кроме двоих, сбил в несколько раз цену, и сыщик стал обладателем полдюжины сувениров.

Уняв зуд приобретательства, друзья отправились в город. Надо было встретиться с консулом и с его помощью попробовать взять след. Переверзев, бывший повар ермолаевского трактира, беглый каторжник. Служил здесь в русском ресторане и погиб в прошлом году. Могут быть зацепки!

Выйдя на палубу, Алексей замер в изумлении. Корма «Петербурга» была, словно строительными лесами, покрыта бамбуковыми шестами. Последние соединялись между собой веревками. На этих веревках, как обезьяны на ветках, стояли десятки японцев и передавали друг другу маленькие корзинки с углем. Баркасы с топливом качались у бортов. С улыбками, смехом и непрерывными разговорами грузчики переваливали уголь в бункеры парохода. Все делалось быстро и слаженно. Степура-Сердюков переходил от борта к борту и наблюдал за погрузкой.

– Вот молодцы! – сказал он путешественникам. – Две тысячи тонн за восемь часов! Ей-ей! И все это за один шиллинг для человека, на английские деньги. Да с песнями! Русские бы так работали...

– Леонтий Митрофанович, мы на берег собрались. У кого можно рубли на иены поменять?

– У судового казначея, – ответил лейтенант. – Но только не на иены, а на мексиканские доллары.

– Почему на мексиканские? – удивились приятели. – Дотуда как до луны. Мексика на другом берегу океана!

Лейтенант пожал плечами.

– Черт его знает... Но именно мексиканское серебро бойко тут ходит. И курс выгодный. Идите, меняйте и возвращайтесь сюда, я вызову вам фунэ.

Через двадцать минут, с карманами, набитыми крупнокалиберными монетами, друзья ступили на берег. На них тут же с криками накинута целая толпа рикш. Лыков ошалел. Ездить на людях ему не хотелось. К тому же его схватили сразу за оба рукава и кричали в оба уха, норовя растащить на части. Таубе не растерялся, ткнул пальцем в ближайшего рикшу и приказал:

– Ты! Минами Яматэ!

Парень аж взвизгнул от радости и повел пассажиров к своей коляске. Не тут-то было! Другие рикши схватили его и не отпускали. Что делать? Вдруг из-за спины барона вышел коренастый белый мужчина и смачно плюнул жевательным табаком в лицо самому шумному из крикунов. Тот вспыхнул было, но сразу же отступил. Другие тоже разбежались, не дожидаясь оплеух. Белый поднял котелок и сказал (Виктор перевел его слова Алексею):

– С этими желтыми обезьянами иначе нельзя. Только строгость!

И ушел, помахивая тростью. Таубе недовольно скривился.

– Арабов-торговцев мы и сами с тобой учили в этом плавании – за жадность и наглость. Но японцев как-то не хочется. Не тот народ.

Рикша усадил седоков и рванул в гору.

– Куда мы едем? – спросил Алексей, крутя головой по сторонам.

– В Минами Яматэ. Западный пригород Нагасаки, там селятся европейцы.

Русский консул Василий Яковлевич Костылев жил в указанном районе в доме номер пять. Это был уютный одноэтажный особняк, обсаженный высокими туями. В сторону моря уходил большой сад, из глубины которого почему-то выглядывал Андреевский флаг.

– Там наш военно-морской госпиталь, – пояснил всезнающий барон. – Консульство прикупило по случаю земли. Теперь у них даже часовня есть!

Гости вручили свои визитные карты камердинеру-японцу и были проведены в кабинет консула. Костылев оказался сорокалетним бородачом с умными, немного ехидными глазами.

– Флигель-адъютант и камер-юнкер... – сказал он с усмешкой. – Что за придворно-свитский десант на Сахалин? Отродясь там таких не бывало! Уж не по моему ли рапорту, господа? Насчет беглых каторжных.

– Соблаговолите сначала надписать ваш прекрасный труд, – ответил Таубе, протягивая дипломату книгу. Лыков с изумлением прочел на обложке: «Очерки истории Японии».

– Вы везли ее из Петербурга? – польщенно улыбнулся Костылев. – Что ж, охотно!

Он расписался на шмуцтитуле и вернул книгу барону. Все трое сели. Таубе дал камердинеру выйти и сказал:

– Вы правы в части Алексея Николаевича. Он едет на Сахалин временно заместить должность начальника Корсаковского округа. Но имеет тайное поручение от МВД разобраться с побегами. А именно – выяснить, как наши «иваны» убегают в Японию и кто и зачем их здесь убивает.

– А вы, барон?

– Я просто выслуживаю полковничий ценз.

– Во всей империи не нашлось другой вакансии, кроме 4-го Восточно-Сибирского линейного батальона? – ухмыльнулся консул. – И это для любимца двух императоров?

Подполковник и бровью не повел, молча отхлебывая чай.

– Ну секрет так секрет. Что требуется от меня?

– Японскую часть загадки совсем невозможно разгадать? – спросил Алексей.

– Совсем. Русские корабли зимуют в Нагасаки уже тридцать лет. Был короткий перерыв в шестидесятых, когда эскадра уходила в Хакодате, но потом она снова вернулась сюда. Все отлажено: ремонт, бункеровка, отдых экипажей. Выстроены госпиталь, склады, мастерские, есть русская баня. Половина населения города понимает наш язык. Отличные отношения! Но это только внешняя сторона. Текущая жизнь, без политики. На самом деле правительство не спускает с нас глаз. Здесь очень хорошая полиция, особенно тайная. И то, что не позволено знать иностранцу, он не узнает никогда.

– А население? – вставил Таубе.

– Население предупреждено.

– Даже так?

– Увы. Простые японцы настроены к нам благожелательно. Столько их кормится от обслуживания эскадры! Но общество очень закрытое и... дисциплинированное, скажем так. Когда пошла команда «молчать!», все ее дружно исполнили.

– То есть такая команда была? Это точные данные?

– Точнее не бывает.

– Выходит, – продолжил Алексей, – в дело об убитых каторжных замешано правительство? Иначе зачем такая скрытность?

– Я уже думал об этом, – нахмурился Костылев. – Казалось бы, для чего им наши кандалники? Своих хватает. Вот в Тако-Симских каменоломнях тысячи их машут кайлом. Но в части секретности вы правы. Следствие об убийстве троих русских закрыто без объяснения причин. Мои попытки что-то узнать натываются словно бы на каменную стену. Слуга уволился, а потом и совсем пропал. Негативы разбили. Начальник полиции велел меня не принимать. Это самое характерное: чтобы японский чиновник не принимал иностранного дипломата! Такую команду могли дать только из Токио. Значит, власть не хочет, чтобы мы

что-то узнали. Мы и не узнаем...

– Чем вы это объясняете? – спросил Лыков. – Не может же сама власть быть как-то связана с убийством наших каторжников?

– Нет, конечно, – согласно кивнул коллежский советник. – Я думал об этом. Объяснение лишь одно: тут замешана якудза.

– Якудза? – заинтересованно воскликнул барон. – Может быть, может быть... И это все объясняет, вы правы. Японцы стыдятся, что подобное есть в их стране, и пытаются замолчать. Скрыть от иностранцев сам факт существования подобного института.

– Объясните, господа, что за институт? – взмолился Алексей. – Какая такая... как ее?

– Слово «якудза» означает преступную организацию, сообщество, – сказал консул. – Или семью, как выражаются, например, в Италии. Состоит из трех слов: я – число восемь, ку – девять и дза – три. Это комбинация карт, которая в игре ойтё-кабу дает проигрыш. Еще эта комбинация называется «свиньей», поскольку означает немедленный и окончательный крах. Вот бакуто – игроки в нее – и взяли себе такое название. В смысле – изгои, пропащие люди. Те, кому нечего больше терять.

– Ага, – сообразил Лыков. – Как те же абреки на Кавказе! Ведь абрек означает «проклятый Богом». Но игра в карты еще не преступление.

– Да, – согласился Костылев. – Однако упомянутая мною ойтё-кабу – особенная. Она притягивала именно сброд, авантюристов. Людей без чести и совести. И скоро игроков в нее в народе начали отождествлять с преступниками. Слово якудза означало сперва бесполезную вещь, затем – бесполезного человека. Грань стиралась, и в конце концов уголовные приняли это имя на себя. Так и повелось... Якудзе сотни лет, но о ней никто ничего не знает. Даже полиция. Это тайна за семью печатями. И барон правильно меня понял: правительство стыдится столь позорного явления. Если здешние «иваны» договорились с нашими, например, о доставке их сюда, то эту тайну не раскрыть. Секрет похлеще любых масонов!

– Василий Яковлевич, – опять заговорил Таубе. – Пока мы плыли, услышали одну историю, очень схожую с вашей. В русском ресторане в Нагасаки служил беглый русский каторжный по фамилии Переверзев. Его узнал доктор из Тымовской военной команды. Узнал, окликнул, Переверзев убежал – и на другой день был найден мертвым. Это случилось в прошлом году.

– Так-так-так... – повеселел консул. – В русском ресторане? В Нагасаки всего два таких ресторана. Точнее, в пригородной деревне Инаса. Поехали туда!

У дипломата был собственный выезд. Когда экипаж тронулся, мелькнуло разочарованное лицо рикши – он караулил своих пассажиров... А Костылев принялся рассказывать:

– В 1858 году на фрегате «Аскольд», стоящем в Нагасаки, вспыхнула малярия и поразила почти весь экипаж поголовно. Людей перевезли в пустующий языческий храм Госиндзи и принялись лечить. Это на восточной оконечности акватории. Многие померли, и их похоронили на старом португальском кладбище. Теперь его называют «Аскольдова могила»... А внизу, под храмом, деревня Инаса. При ней собственная бухта. И так вышло, что это место стало пристанищем для русских кораблей. Инасу прозвали Русской деревней. С тех пор много воды утекло. Бухта обмелела и уже не может служить стоянкой. Госпиталь переехал на запад, в Минами Яматэ. Но в Инасе осталась удивительная женщина, ее зовут Омати-сан – «приемная мать» русского флота. К ней мы и едем.

– Приемная мать? В каком смысле? – удивились путешественники.

– Объясню. Владивосток – замерзающий порт, и всю зиму корабли Тихоокеанской эскадры стоят в Нагасаки. А на кораблях – живые люди! Много молодежи. Жалованье они получают усиленное, как находящиеся в заграничном походе. А здешние проститутки-юдзё через одну больны сифилисом. Как быть? Денег полны карманы, и дел никаких. Не только молодежи, а и офицеру в возрасте и с положением тоже нужна женщина. Желательно чистая и ласковая. И Омати-сан решила эту проблему. Она стала сводней, которая подбирает нашим морякам временных жен. И сдает в аренду.

– В аренду? – хмыкнул Лыков. – Живого человека?

– Именно так. Снять дом стоит двадцать иен в месяц, а женщину – сорок. Всего шестьдесят иен, или на русские деньги пятьдесят рублей. От офицера требуется содержать свою временную жену, делать ей время от времени подарки и не обижать.

– И как получается?

– Да замечательно получается. Все довольны! Какой-нибудь мичманок приходит с корабля, а его ждет уютный бумажный дом и всегда приветливая супруга. В России такого не сыскать! Разумеется, рождаются и дети. В отношении их у господ офицеров нет никаких обязательств. Очень удобно.

– Выходит, женщины эти – своего рода конкубины, как было заведено в Древнем Риме? – сообразил Таубе.

– Именно так, барон. Совершенные конкубины, проживающие с мужчиной за деньги в открытой и длительной связи. Наши офицеры называют их, правда, иначе – мусуме. В переводе с японского – девушка. Все бы не так плохо: мусуме получают источник дохода, никто никого насильно не принуждает, отношения обычно складываются... приятельские. Но большинство девушек еще подростки! Им же не более тринадцати лет! В России за такое сожителство сажают в тюрьму. А здесь два года назад был великий князь Александр Михайлович, так и он завел себе мусумку!

– Вы начали про «мать» русского флота, – напомнил Алексей.

– Да. Мы едем к Омати-сан. Она и держит весь упомянутый конкубинат. С девушек сводня не берет ни копейки, а доход от флота получает другим путем. Омати-сан принадлежат единственная в деревне гостиница и оба русских ресторана: «Петербург» и «Владивосток». Есть еще темный трактир «Кронштадт», где наши матросы чистят морды британцам... Поэтому справки о каторжном поваре надо наводить именно у этой женщины.

Так за разговорами и приехали в Русскую деревню. Лыков глядел во все глаза. Настоящая Япония! Дома действительно чуть не из картонки. Вокруг незнакомая зелень; даже лягушки в маленьком прудике квакают по-иноземному. Сельская улица ничем не похожа на нашу. Вместо окон с двойными рамами – открытый прогал в стене. Все предъявлено стороннему взору. Ни заборов, ни

палисадников, ни печных труб с вьющимся дымком. И куры не кудахчут... Кругом очень чисто, нигде не соринки. Прошли два наших матроса и свернули в хибарку. У той на двери висела доска с диковинным пояснением: «Всякая лавка». Чудеса...

Дом Оматисан был самым большим и нарядным. Костылев зашел первым, разувшись при входе; сыщик и разведчик поступили так же. Миниатюрная девица провела их в комнату. Лыков разочарованно вздохнул. Обстановка вокруг была европейской и напоминала какие-нибудь «меблирашки» в Чите. Только гости уселись на венские стулья, как вошла хозяйка. Маленькая, лет пятидесяти, в кимоно и с веером в руках. Она приветливо кивнула консулу:

– Дзудорастуцуйтэ, Басирии Якобурэуччи! Куто это су вами?

– Здравствуйте, Оматисан. Это господа Таубе и Лыков, они приплыли сегодня на «Петербурге».

Японка молча поклонилась гостям.

– Их очень интересует судьба одного из ваших поваров, – продолжил Костылев. – Господа не знают, в каком из двух ресторанов он служил. Его фамилия Переверзев.

В лице Оматисан что-то дрогнуло. Она быстро повернулась к русским спиной, сделал шаг к дверям. Потом остановилась и бросила через плечо:

– У меня нигде не было такого повара! Я пурохо сэбя чуфусутуфую, пуридзитэ поджарусута бу сурэдусчии расу.

– У меня никогда не было такого повара, – бесстрастно перевел эту абракадабру консул. – Я плохо себя чувствую, приходите, пожалуйста, в следующий раз.

Японка почти бегом удалилась из гостиной. Костылев хмыкнул и пошел обуваться. На улице, перед тем как сесть в коляску, он воскликнул в сердцах:

– Ну, сами все видали!

– Да, Василий Яковлевич, вы, очевидно, правы, – ответил Лыков. – Какое уж тут расследование. Я попробую с другого конца, с сахалинского. За попытку спасибо!

Консул отвез путешественников в русскую баню, которая располагалась под окнами гостиницы «Нева». Гостиница принадлежала все той же Омати-сан, но баней владела Тихоокеанская эскадра. В ней как раз мылась команда канонерской лодки «Тунгуз». Узнав, что двое соотечественников уже тридцать семь дней не видели пара, моряки гостеприимно пустили их погреться. Чистые и умиротворенные, Таубе и Лыков заглянули на русское кладбище. Тремя террасами оно спускалось по склону горы к морю. Аккуратно, ухожено, всюду цветы, кипарисы с пальмами и соснами... Путешественники насчитали семнадцать могил моряков со злосчастного «Аскольда». Захоронений было много; машинные содержатели чередовались со старшими офицерами. Обнаружилась могила кавторанга Миллера, командира крейсера «Джигит». Даже капитаны, вершители судеб всего корабля, и те умирали в Нагасаки... На плитах встречались названия всех русских судов, когда-либо стоявших здесь: «Ермак», «Рында», «Дмитрий Донской», «Разбойник», «Витязь», «Изумруд»... Друзья вернулись в свою каюту притихшие. Смерть на чужбине вдвойне печальна. Близкая рука не положит цветы, и никто не придет в родительскую субботу. Лыкову очень захотелось домой, обнять Вареньку и сыновей. Но в борт парохода била волна Восточно-Китайского моря.

Глава 5

Сахалин

Последний отрезок пути оказался самым беспокойным. В Восточном проходе Корейского пролива тюремный пароход попал в сильный шторм. Кое-как он проскочил в бухту Симоносеки и отсиживался в ней два дня. Наконец погода наладилась. «Петербург» резво побежал по Японскому морю, но уже через сутки угодил в новый шторм. Опытный капитан учуял его заранее и успел укрыться в Ниигате. Три дня пароход простоял на всех якорях, на сильной качке. Буфет опустел. Выворачивало даже моряков. Но Лыков и Таубе держались молодцами: ели за двоих и шлялись по палубе. Стих и этот ураган. Корабль опять взял курс на норд. В море стали попадаться киты – парами, как благоверные супруги. По

правому борту мелькнул и пропал остров Ребун. Теперь пароход отделял от Сахалина только пролив Лаперуза.

Когда стемнело, лейтенант Степура-Сердюков приказал удвоить посты на трюмной палубе. Сергей Иванович пояснил своим попутчикам:

– И правильно делает! В последнюю ночь перед Сахалином внизу черт-те что творится! Все арестанты впадают в безумие. Разом! До утра пляшут и поют, бьются в судорогах, дерутся... Некоторые голову об стену разбивают. Обязательно и водки достанут, чтобы напиться в смерть. Я раз видел и больше не хочу. Полтыщи сумасшедших! Могут и на конвой броситься. Потому – страшно им... боятся Мертвого острова...

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Эмеритальные суммы – дополнительная пенсия, складывающаяся из шестипроцентных вычетов из жалованья чиновников и доходов по ним. Выплачивалась при выходе в отставку. (Здесь и далее примеч. автора.)

2

Регалки – наколки, татуировки.

3

Дурново любил, чтобы к нему обращались по имени и отчеству.

4

М.Н. Галкин-Врасский – в то время начальник Главного тюремного управления.

5

То есть без прошения, властью начальства.

6

Дурново имеет в виду предыдущие операции Лыкова, когда ему приходилось внедряться в арестантскую среду (становиться «демоном»).

7

См. книгу «Варшавские тайны».

8

Калоши в русской армии имели право носить чины начиная с полковника

9

Открытый лист – внутриведомственный документ, обязывающий всех представителей данного министерства на местах оказывать содействие его подателю.

10

См. книгу «Пуля с Кавказа».

11

Рысак – беспокойный арестант (жарг.).

12

Сам-друг – урожай, при котором собрано вдвое больше зерна, чем было посеяно.

13

Чирки – кожаные арестантские туфли, подвертки – обмотки.

14

Бродни – кожаные или суконные зимние сапоги.

15

Свивальники – пеленки.

16

ОКЖ – отдельный корпус жандармов.

17

Кавярня – кофейня (польск.), шпацер – варшавский обычай вечерних прогулок.

18

Периодическая рыба – рыба, идущая на нерест.

19

В 1889 году максимальная осадка судов, проходящих там, составляла 9,75 метра.

20

Манзы – китайцы.

21

Бисиркин использует несколько устаревшее к тому времени русское название города.

22

Каблограмма – телеграмма, посланная по подводному кабелю.

23

Обратники – беглые, возвращенные на каторгу.

24

Василий Федорович – прозвище кайзера Вильгельма II Фридриха в России.

25

Ныне архипелаг Риоу.

Купить: <https://tellnovel.com/nikolay-svechin/mertvyu-ostrov>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)